

Youth in Central and Eastern Europe. Sociological Studies
2/2014
ISSN 2409-952X

Youth in Central and Eastern Europe
Sociological Studies

2/2014

ISSN 2409-952X

www.youthjournal.eu

WYDAWCA

***Katedra Prawoznawstwa, Socjologii i Politologii
Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Drohobyczu, Ukraina;
Ukraińskie Towarzystwo Socjologiczne;
Instytut Socjologii Uniwersytetu Rzeszowskiego;
Instytut Socjologii Państwowej Wyższej Szkoły Wschodnioeuropejskiej
w Przemyślu, Polska***

ВИДАВЦІ

***Кафедра правознавства, соціології та політології
Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка, Україна;
Соціологічна асоціація України;
Інститут соціології Жешувського університету, Республіка Польща;
Інститут соціології Вищої державної східноєвропейської школи у Перемишлі,
Республіка Польща***

82100 Україна

Львівська область

м. Дрогобич

вул. Лесі Українки, 29, кім.210

тел. (380 3244) 3-81-44

КОНТАКТИ: redakcja@youthjournal.eu

RADA NAUKOWA:

Ludmila Sokóriańska – dr hab., profesor (Uniwersytet w Charkowie, Ukraina) – **przewodnicząca rady**
Ilya Kononov – dr hab., profesor (Uniwersytet w Ługańsku, Ukraina)
Walerij Łukow – dr hab., profesor (Uniwersytet Humanistyczny w Moskwie, Rosja)
Witalij Oniszczyk – dr hab., profesor (Uniwersytet w Odessie, Ukraina)
Wiktor Sawka – dr, docent (Politechnika Lwowska, Ukraina)
Nadija Skotna – dr hab., profesor (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)
Alekszej Skowikow – dr, docent (Uniwersytet Humanistyczny w Moskwie, Rosja)
Walentina Chepak – dr hab., profesor (Uniwersytet w Kijowie, Ukraina)
Wiktor Chigrin – dr hab., profesor (Uniwersytet w Symferopolu, Ukraina)
Andrzej Szumilow – dr., docent (Uniwersytet Czuwaski, Rosja)
Marek Bugdol – dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Maciej Gitling – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Beata Halicka – dr hab., profesor (Uniwersytet Adama Mickiewicza, Polska)
Witold Jedynak – ks., dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Marian Malikowski – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Jarosław Moklak - dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Marian Niezgoda – dr hab., profesor (Uniwersytet Jagielloński, Polska)
Antoanela Petkovska – Ph.D, profesor (Ss. Cyril and Methodius University, Macedonia)
Teresa Soldra-Gwizdź – dr hab., profesor (Uniwersytet Opolski, Polska)
Barbara Wiśniewska-Paź – dr hab., profesor (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Dariusz Wojakowski – dr hab., profesor (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)
Marta Zahorska-Bugaj – dr hab., profesor (Uniwersytet Warszawski, Polska)
Maria Zielińska – dr hab., profesor (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)

НАУКОВА РАДА:

Сокурянська Людмила – доктор соціологічних наук, професор (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна) – **голова ради**;

Кононов Ілля – доктор соціологічних наук, професор (Луганський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна);

Луков Валерій – доктор філософських наук, професор (Московський гуманітарний університет, Російська Федерація);

Онищук Віталій – доктор соціологічних наук, професор (Одеський національний університет імені І.І. Мечнікова, Україна);

Савка Віктор – кандидат соціологічних наук, доцент (Національний університет «Львівська політехніка», Україна);

Сковіков Олексій – кандидат філософських наук, доцент (Московський гуманітарний університет, Російська Федерація);

Скотна Надія – доктор філософських наук, професор (Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна);

Чепак Валентина – доктор соціологічних наук, професор (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна);

Чигрин Віктор – доктор соціологічних наук, професор (Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського, Україна);

Шумілов Андрій – кандидат політичних наук, доцент (Чуваський державний педагогічний університет імені В.Я. Яковлева, Російська Федерація);

Вішневська-Паз Барбара – доктор габілітований, професор (Вроцлавський університет, Республіка Польща);

Вояковський Даріуш – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Бугдоль Марек – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);

Гітлінг Мацей – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Галіцка Беата – доктор габ., професор (Познанський університет імені Адама Міцкевича)

Єдинак Вітольд – ксьондз, доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Зелінська Марія – доктор габілітований, професор (Зеленогурський університет, Республіка Польща);

Загорська -Бугай Марта – доктор габілітований, професор (Варшавський університет, Республіка Польща);

Мокляк Ярослав – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);

Маліковський Маріан – доктор габілітований, професор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Незгода Маріан – доктор габілітований, професор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);

Петковська Антоанела – Ph.D, професор (Університет Св. Кирила і Мефодія, Македонія);

Солдра-Гвіждж Тереза – доктор габілітований, професор (Опольський університет, Республіка Польща).

ZESPÓŁ REDAKCYJNY:

Redaktor naczelny: Switłana Szczudło – dr hab., profesor (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Zastępca redaktora naczelnego: Piotr Długosz – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Redaktorzy tematyczni:

Jarosław Komarnicki – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Iryna Mirczuk – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Hubert Kotarski – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Sławomir Solecki – dr (Państwowa Wyższa Szkoła Wschodnioeuropejska w Przemyślu, Polska)

Wojciech Broszkiewicz – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Rafał Boguszewski – dr (Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego, Polska)

Marcjanna Nóżka – dr (Uniwersytet Jagielloński, Polska)

Dorota Szaban – dr (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)

Секретарзе редакції:

Bogdanna Gwozdecka – dr (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Mariusz Palak – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Redaktor techniczny:

Juriy Dmitriszin – dr., docent (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

Redaktor statystyczny:

Krzysztof Piróg – dr (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

Redaktorzy językowi:

język polski: **Dominika Długosz-Izdebska** – doktorantka (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

język ukraiński, rosyjski: **Iryna Niewmierznicka** (Uniwersytet w Drohobyczu, Ukraina)

język angielski: **Wojciech Pyć** – doktorant (Uniwersytet Rzeszowski, Polska)

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Головний редактор: Щудло Світлана – доктор соціологічних наук, професор
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Заступник головного редактора: Длугош Пьотр – доктор
(Жешувський університет, Республіка Польща)

Тематичні редактори:

Комарницький Ярослав – кандидат історичних наук, доцент
(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна);

Мірчук Ірина – кандидат філософських наук, доцент (Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна);

Котарський Хуберт – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Солецкий Славомір – доктор (Вища державна східноєвропейська школа у Перемишлі,
Республіка Польща);

Брожкевич Войцех – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Богушевські Рафал – доктор (Головна школа сільського господарства у Варшаві, Республіка Польща);

Нужка Марціянна – доктор (Ягеллонський університет, Республіка Польща);

Шабан Дорота – доктор (Зеленогурський університет, Республіка Польща).

Секретарі редакції:

Пеляк Маріуш – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща);

Гвоздецька Богданна – кандидат соціологічних наук (Дрогобицький державний педагогічний
університет імені Івана Франка, Україна)

Статистичний редактор:

Пірог Криштоф – доктор (Жешувський університет, Республіка Польща)

Технічний редактор:

Дмитришин Юрій – кандидат юридичних наук, доцент

(Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка, Україна)

Літературні редактори:

польська мова: **Длугош-Іздебська Домініка** – докторант (Жешувський університет, Республіка Польща);

українська, російська мова: **Невмержицька Ірина** - редактор (Дрогобицький державний педагогічний
університет імені Івана Франка, Україна);

англійська мова: **Пич Войцех** – докторант (Жешувський університет, Республіка Польща).

TABLE OF CONTENTS

Валентина Чепак	
УПРАВЛІНСЬКИЙ ДИЗАЙН УНІВЕРСИТЕТУ У ГЛОБАЛЬНОМУ ІНТЕР'ЄРІ ОСВІТИ.....	6
Петр Длугош	
ОБЩЕСТВО В СОСТОЯНИИ КРИЗИСА. УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ, ОБУЧАЮЩИЕСЯ В ПОЛЬШЕ, ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УКРАИНЕ.....	12
Доминика Издэбска-Длугош	
ПОЛЬША ГЛАЗАМИ УКРАИНЦЕВ, НАЧИНАЮЩИХ УЧЕБУ В ПОЛЬСКИХ ВУЗАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА.....	26
Michał Dobrowolowicz	
POLISH GENERATION Y AS A GENERATION IN THE SITUATION OF ANOMIE. THE PROPOSAL OF A DESCRIPTION OF YOUNG POLES' SITUATION ON THE JOB MARKET ON THE BASIS OF THE THEORY OF ANOMIE BY ROBERT MERTON.....	41
Матэуш Каменка, Радослав Маженцки	
УБЕЖДЕНЫ, НО НЕДОВОЛЬНЫ: МОЛОДЕЖЬ ПОЛЬШИ ОБ ИДЕЕ ДЕМОКРАТИИ	48
Marcjanna Nózka, Katarzyna Ornacka, Marta Smagacz-Poziemska	
CHILDREN AND YOUNG PEOPLE IN THE CITY EXTRACTS FROM KRAKOW RESEARCH.....	60
Ольга Петренко	
ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНО-РОССИЙСКОГО КОНФЛИКТА	78
Dorota Szaban, Beata Trzop	
FOR WHOM IS THE EQUALITY POLICY AND NEW GENDER CONTRACT? YOUNG INHABITANTS OF LUBUSKIE REGION ABOUT THE ROLES OF WOMEN AND MEN IN THE MODERN WORLD.....	92

Валентина Чепак *

УПРАВЛІНСЬКИЙ ДИЗАЙН УНІВЕРСИТЕТУ У ГЛОБАЛЬНОМУ ІНТЕР'ЄРІ ОСВІТИ

У статті аналізуються процеси змін, що відбуваються в університетських організаціях на сучасному етапі як відображення глобалізаційних процесів. Здійснюється розгляд трансформацій цільового компоненту, внутрішньої структури університету, зміни у процесах навчання та викладання. Особлива увага звертається на зміни в управлінській системі, що забезпечує координацію роботи всіх організаційних ланок, сприяє формуванню міжорганізаційних взаємодій, забезпеченню можливостей для досягнення цілей і вирішення стратегічних завдань сьогодення.

Ключові слова: університет, організаційні зміни, мета університету, система управління, освітні послуги, академічна діяльність

The processes of changes that take place in university organizations on the modern stage as a reflection of processes of globalization are analysed in the article. Transformations of purposes, structure of university, change in the processes of studies and teaching are considered. The special attention is applied on changes in the management system, that provides work coordination of all organizational links, assists forming of interorganizational cooperations, purposes realization and main modern tasks decision.

Keywords: university, organizational changes, aim of university, management, educational services, academic activity

Глобальний процес інтенсивної побудови економік, уґрунтованих на знаннях (і суспільств, що базуються на знаннях), відносить знання до категорії одного з найважливіших національних ресурсів. Цей факт породжує нові завдання університетів і систем освіти в цілому. Навколо подібного «проблемного поля» університету виникають дискусії щодо нової ідеології управління і конкретних практик, що дозволяють ефективно управляти організацією в умовах формування освітнього ринку.

В цілому, в межах соціологічного знання, можна виділити дві точки зору з приводу бачення організаційної специфіки управління сучасними університетами.

Перша позиція ґрунтується на ідеї, що сучасні університети мають проблеми, які є типовими для більшості організацій, та зацікавлені у розробці найоптимальніших методів їх розв'язання. При цьому дослідниками підкреслюється можливість запозичення ефективних методів з інших організаційних просторів (Krücken, 2006, с. 242).

Чепак Валентина – доктор соціологічних наук, професор, в. о. завідувача кафедри галузевої соціології факультету соціології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Scientific interests: sociology of education.

E-mail: chepak02@ukr.net

Друга точка зору відстоює тезу, що попри значну раціоналізацію способів функціонування університету в освітньому організаційному просторі, все ж він залишається особливою організацією. Це означає необхідність відмовитися від некритичного запозичення узагальнених управлінських рішень для сучасних організацій та потребу зосередитися на специфіці університету.

Слід підкреслити, що наукова рефлексія університету протягом тривалого періоду часу була взагалі позбавлена виміру управління взагалі та управлінських рішень, зокрема. Вважалося, що університет є закритою системою та не потребує розробки специфічних методів управління. Лише починаючи з 70-х років ХХ століття в межах теорій ресурсної залежності, нового інституціоналізму, організаційної екології дослідники звернули увагу на університети як відкриті системи. Показовою є кількість публікацій, що розглядали питання управління організаціями у просторі вищої освіти: близько 200 на період 1950-1970 рр. і вже понад 1000 на середину 1980-х рр. (Павлюткин, 2011, с. 106).

В цей період дослідниками університетського життя пропонується низка моделей організаційної структури університету. Характерною ознакою цього періоду є доволі суттєва різниця між кейсами (державними чи приватними університетами), які слугували ілюстративним матеріалом для розроблених моделей. Зокрема, колегіальна модель організаційної поведінки, що оперує поняттями команди та спільної мети, була запропонована для пояснення діяльності університетських організацій приватного сектору (Clark, 1972; Peterson, 2007). Наприкінці 1970-х рр. Г. Мінцберг сформулював визначення університету саме як професійної бюрократії, за якої одночасно співіснують елементи бюрократичного управління та децентралізованого процесу прийняття рішень, що спирається на професійні якості та владу експертів. І все ж, подібні моделі зазнавали жорсткої критики. З одного боку, ми не можемо повністю застосовувати класичну бюрократичну модель через нечітку визначеність мети, невизначеність технологій та орієнтацію на «споживачів». З іншого ж, нормативний характер колегіальної моделі так само не відповідає реаліям університетської організації (Mintzberg, 1993).

Звісно, сучасні університети починають визначати власні цілі, що можуть розширювати класичне сприйняття мети «навчати та досліджувати». І саме цим вони починають нагадувати «реальні» організації (Krücken, 2011). Не можна не погодитись з точкою зору М. Юдкевич, яка, аналізуючи цільові преференції університетів зазначає, що «університет – організація із складною структурою, яка висуває багато цілей, серед яких, крім навчання студентів важливу роль відіграє проведення фундаментальних і прикладних наукових досліджень» (Юдкевич, 2004, с. 103). При цьому автор посилається на досвід

американських університетів, де значна доля фінансування здійснюється за рахунок грантів, внесків на проведення досліджень і основна конкуренція між університетами лежить саме у науковій площині. Завважимо, що ця мета значною мірою реалізується і європейськими, і азійськими університетами. Але, враховуючи, що університети діють в умовах конкурентного середовища, яка б мета не висувалась університетами як головна, саме високий рівень освітніх послуг – визначальний чинник його конкурентоспроможності. Передові позиції в освітніх рейтингах – відображення рівня розвитку університету, його впливу на суспільні процеси, соціальну структуру суспільства, а значить відповідність висунутих цілей суспільним вимогам до вищої освіти.

З моменту, коли університет починає розглядатися як відкрита система, відбуваються принципові зміни у поглядах на засади його функціонування. Якісний поворот у розумінні університету як організації розпочинається з публікацій Дж. Пфєффера та Дж. Саланчика. Дослідники зображують університети як організації, що залежать від ресурсів зовнішнього середовища, а прийняття рішень в них є «політичним» процесом використання влади та пов'язане з можливостями університетських підрозділів залучати зовнішні гранти та заключати контракти, тим самим здобуваючи автономність (Pfeffer, Salancik, 1974).

Однією із ключових тез в межах досліджень університетів стає твердження про те, що динаміка інституційного середовища ставить університети в ситуацію самовизначення, яка може мати різні наслідки, починаючи від успішного розвитку, наприклад в межах підприємницьких університетів, і закінчуючи кризою легітимності і навіть закриттям навчальних закладів. Тому процеси управління в сучасних університетах зорієнтовані не стільки на оптимізацію показників, скільки на забезпечення гнучкості реагування і мобілізації зусиль щодо адаптації до невизначеностей зовнішнього середовища. Отже, в основу методології повинен бути закладений принцип розгляду університету як відкритої системи, здатної не лише пасивно сприймати зміни, а й активно взаємодіяти із зовнішнім середовищем, впливати на нього і пристосовувати до реалізації висунутих цілей. Крім того, як вважає російський дослідник Г.Ключарьов «особливість такого менеджменту, який інколи називають «академічним капіталізмом», полягає у створенні структур, орієнтованих на споживача. Ці структури забезпечують надання різних – за змістом, формою, тривалістю, результатом – освітніх послуг» (Ключарев, 2011, с. 38).

При аналізі університету сучасні дослідники підкреслюють також ще одну особливість управління: наявну потребу унікального поєднання сильного керівництва – харизматичних індивідів, представників академічної спільноти чи управлінців, які є вихідцями з неї, що бажають

подолати бюрократичні обмеження трансферу знання – та включення академічного світу до мережі міжорганізаційних зв'язків.

В цілому, у більшості випадків зразки успішного партнерства є структурно ідентичними: впливовий ректор чи професор університету, який має значні наукові досягнення, інтенсивно залучається до створення мереж кооперації з приватним бізнесом, використовуючи власний академічний статус (уможливлюючи включення університету як організації до співробітництва) та свої зв'язки з місцевими органами влади (легітимуючи власне співробітництво; намагаючись отримати державне фінансування). Одночасно представник від університету гарантує успішні робочі стосунки з представниками бізнесу та зміцнює довіру між усіма залученими сторонами (Mora, 2006, с. 149). Звісно, з одного боку, це призводить до втрат у тих галузях знання, що не мають безпосереднього ринкового попиту, а з іншого – академічні кола університету сприймають цю діяльність як даність, оскільки це пов'язано із виживанням організації, її конкурентоспроможністю, престижем. В системі українських університетів, під впливом конкурентних відносин простору вищої освіти, також відбулось посилення управлінської ланки та її професіоналізація. Головним чином, це проявляється у усвідомленні особистої відповідальності за зміни в організації на рівні управління, а також розробці та втіленні на практиці стратегічних дій, спрямованих на виживання та позиціонування у організаційному просторі. Фактично, – це визнання необхідності «підприємницької» діяльності університету з розширення ресурсної бази та інфраструктури, які дозволяють підтримувати та підвищувати статус власної організації. Підвищення статусу, у свою чергу, передбачає активізацію процесів внутрішніх структурних змін університетської організації. Традиційні кафедри і факультети вичерпали свій адміністративний ресурс, оскільки суттєво збільшився обсяг додаткової управлінської роботи, яка вимагала тісної взаємодії між різними підрозділами університету. Виникла потреба у оновленні структурної композиції університету відповідно до вимог ринкового конкурентного середовища. Йдеться, як про створення нових підрозділів, що відповідають реаліям ринку освітніх послуг (наприклад, відділ по працевлаштуванню студентів, асоціація випускників, відділ по зв'язках із громадськістю, відділ маркетингу і реклами), так і про наповнення новим змістом роботи наявних підрозділів. Виходячи з цього традиційна вертикальна університетська структура поповнюється горизонтальними зв'язками, що підтримують функціонування освітніх проектів, сприяють підвищенню ефективності різних видів діяльності через залучення індивідуальних мереж тощо.

Загалом ринкові виклики, що пов'язані із системою управління, а саме необхідністю її суттєвих трансформацій щодо українських університетів,

які активно залучаються до процесів інтеграції у європейський та світовий освітній простір, можна позначити такими напрямками:

Поширення публічного визнання академічної праці. Академічне життя потребує більшого розуміння у суспільстві. Досягнення цієї мети можливе через налагодження широкого діалогу, включно з готовністю слухати та здатністю формулювати прагнення і потреби вищої освіти для широкого загалу.

Становлення більш ефективного навчального процесу, особливо щодо з'ясування його цілей та оцінювання наслідків. Також дуже важливо перекласти місію університетів на мову конкретних індикаторів організаційних досягнень.

Запровадження організаційної самоосвіти та постійної динаміки розвитку через інтенсифікацію щоденної діяльності. Організаційне планування, оцінювання та вдосконалення вимагають взаємної інтеграції.

Узгодження риторики та реальної корпоративної культури. Він ґрунтується на відмінностях у посадових ролях, дисципліні або певних відмінностях, пов'язаних з фахом. Тому важливо постійно вдосконалювати організаційні моделі в межах університету.

Університетська громада повинна постійно втримувати у полі зору ті завдання, які визначаються місією кожного закладу. Мається на увазі взаємодія і взаємозалежність академічного життя, управління та послуг, які поєднуються на рівні місії. Зростання академічного досвіду студентів безпосередньо залежить від професійного рівня адміністрації та персоналу, підтримки випускників, руху й мобілізації ресурсів для наукової та навчальної роботи, ефективності інфраструктури, зручності формальних процедур (Квіт, 2008, с. 17-19).

Успішне проведення науково-дослідної діяльності, що закладається в рейтинги університетів, підвищує привабливість університету для студентів, тим самим, дозволяючи збільшувати розмір прибутку за рахунок надання якісних освітніх послуг.

Отже, дослідження університетів фіксують принципово нові зміни, що відбуваються з даним різновидом організацій. Ідеальна модель класичного університету, в рамках якої відбувається відкриття нового знання закритою групою вчених, поступається новій моделі університету, що здійснює діяльність в ринковому просторі та перебирає на себе функції фінансування. При цьому професорсько-викладацький склад виступає ключовим структурним елементом, що окрім класичних функцій з проведення науково-дослідної роботи та навчання, стає джерелом отримання додаткових ресурсів шляхом залучення найбільш здібних студентів та комерціалізації результати власних досліджень. Перетворення університетів на реальні організації актуалізує питання про розробку найбільш ефективних методів управління. Наразі оптимізація їх роботи

пов'язується не з досягненням певної ідеальної моделі, як це відбувалось раніше, а з виокремленням тих засад діяльності, що довели свою успішність у просторі вищої освіти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Krücken, G. (2006). Turning the University into an Organizational Actor [in:] Globalization and Organization. World Society and Organizational Change. Oxford: Oxford University. p. 241-257.

Павлюткин, И. (2011). Конструирование университета как организации. "Экономическая социология", Т.12, №1, с. 104-124.

Clark B. R. (1972). The Organizational Saga in Higher Education. "Administrative Science Quarterly", Vol. 17, No. 2, p. 178-184;

Peterson M. W. (2007). The Study and Universities as Organizations [in:] Sociology of Higher Education: Contribution and Their Contexts, Baltimore: Johns Hopkins Press, p. 147-184.

Mintzberg H. (1993). Structure in Fives. Designing Effective Organizations. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

Krücken G. A (2011). European Perspective on New Modes of University Governance and Actorhood, Center for Studies in Higher Education, No.17. <http://cshe.berkeley.edu/publications/publications.php?id=394>.

Юдкевич М.М. (2004). Сигнальная политика и цели университетов (Комментарий к статье Патрика Хили «Вузы: битва за профессуру»), "Вопросы образования", №4, с.102-106.

Pfeffer J. (1974). The Bases and Use of Power in Organizational Decision Making: The Case of a University, "Administrative Science Quarterly", №19 (4), p. 453-473.

Ключарев Г.А. (2011). Приватизация как модернизационный путь развития профессионального образования. «Вестник института социологии», №2, с.36-66;

Mora J.D. Good Practices in University-Enterprise Partnerships, ed. J.G. Mora, A. Detmer, M.J. Vieira. <http://www.gooduep.eu>

Квіт С.М. (2008). Алгоритм університетського розвитку, «Університетська автономія : [спец. вип. часопису «Дух і Літера»]». №19, с. 12-30.

MANAGEMENT DESIGN OF UNIVERSITY IN GLOBAL INTERIOR OF EDUCATION

Chepak Valentyna - Doctor of Sociology, Professor, Chair of Branch Sociology Department, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

Scientific interests: sociology of education.

E-mail: chepak02@ukr.net

Петр Длугош *

ОБЩЕСТВО В СОСТОЯНИИ КРИЗИСА. УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ, ОБУЧАЮЩИЕСЯ В ПОЛЬШЕ, ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В УКРАИНЕ

В статье представлены результаты исследования среди украинских студентов, обучающихся в Подкарпатье, которые касаются их отношения к социально-политическим изменениям в Украине. Для сбора материала использовались методы опроса и анкетирования, с помощью которых получено 250 анкет от молодых украинцев, обучающихся в вузах Жешува и Перемышля. В статье проанализированы ответы молодых людей на вопросы, свидетельствующие о слабом контроле правительством социальной и политической ситуации, о реализации своих целей и жизненных устремлений в Украине, о будущем молодежи в Украине, о будущем молодежи стране, о социально-политических изменениях в Украине, о восприятии молодежью перспективы присоединения Украины к Европейскому Союзу. Интеграция в ЕС рассматривается как возможность ликвидации коррупции и повышения уровня жизни в Украине.

Ключевые слова: украинские студенты на Подкарпатье, Украина, отношения, аномия, травма.

The article presents the results of research carried out among Ukrainian students studying in the Podkarpacie region on the attitude to socio-political changes in Ukraine. The survey method was used to obtain data. With the use of auditorium survey, 250 responses from students studying in Rzeszów and Przemyśl were received. The results of the research indicate that youth assess the possibility of achieving life goals and aspirations in Ukraine negatively. The future of youth in Ukraine was assessed with more optimism. The socio-political changes in Ukraine were rated lower. One third of respondents claims that positive socio-political changes in Ukraine will take place. Only every tenth respondent maintains that the authorities control the socio-political situation. Joining the European Union is perceived as a chance to eliminate corruption and improving the life conditions of Ukrainians.

Key words: Ukrainian students in the Podkarpacie region, Ukraine, attitudes, anomaly, trauma.

События в Украине свидетельствуют, что ситуация в стране по-прежнему остается неопределенной. Сегодня так называемые сепаратисты вместе с российской армией оккупируют часть Луганской и Донецкой областей. В настоящий момент трудно предусмотреть дальнейший сценарий развития событий. Украина по-прежнему должна учитывать возможность эскалации вооруженного конфликта и угрозу потери части

Петр Длугош – доктор, адъюнкт Института социологии Жешувского университета (Республика Польша).

Научные интересы: Социология образования и молодежи, молодежь польско-украинского пограничья.

E-mail: ptc@wp.pl

территории на Востоке. Несомненно, военные действия и их последствия вызвали радикальные изменения в экономической, политической и общественной жизни государственной системы.

Попытки избавиться от российского влияния подкрепляются многочисленными усилиями общества. Сам факт войны в Восточной Украине привел к снижению не только чувства общественной безопасности, но и материального уровня жизни. В результате военных действий уничтожен Донецкий регион, который приносил значительные доходы, возросла инфляция и состоялось повышение цен на энергию на 285%. В первом квартале 2015 года¹ ВВП Украины снизился более чем на 15%. Экономика Украины оказалась на грани банкротства, и ее судьба зависит от реформ и помощи международных организаций. Размер этой помощи будет определяться масштабами и глубиной реформ, предпринятых правительством Украины. Украинские граждане вынуждены все больше и больше жертвовать и все туже «затягивать ремни». Эта ситуация напоминает шоковую терапию Бальцеровича и травмы трансформации в Польше и других странах Центральной и Восточной Европы после краха коммунизма в 1989 году (Штомпка, 2000).

Для украинского общества состояние кризиса почти перманентно. После распада Советского Союза так и не удалось провести соответствующие реформы в стране и значительно улучшить жизненный уровень ее населения. Тогдашнее номенклатурно-олигархическое правительство успешно блокировало необходимые изменения. Второй шанс появился в 2004 г. во время Оранжевой революции. Но нехватка единства между президентом Виктором Ющенко и премьером Юлией Тимошенко, отсутствие замены элит в лагере власти эффективно воспрепятствовали модернизации страны и растратили общественную энергию.

Очередной этап политического конфликта возник во время блокирования Президентом Украины Виктором Януковичем в ноябре 2013 года соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. Тогда дошло до общественных протестов и возникновения Евромайдана. В небывалом масштабе украинцы выступили против решения президента, а кровопролитные столкновения привели к его бегству из страны. Эти события называют Еврореволюцией, или Революцией достоинства. Смена власти в Киеве не понравилась России. В результате все возрастающего противостояния и неодобрения политических изменений в Украине произошла аннексия Крыма Российской Федерацией и возникновение вооруженного конфликта на востоке Украины.

¹http://spedycje.pl/transport_i_spedycja/bezpieczenstwo_w_branzy_tsl/37124/wzrost_cen_o_285_-_ukraine_moze_czekac_gospodarcza_katastrofa.html (access date. 10.03.2015).

В настоящее время украинское общество находится в состоянии масштабного кризиса. В политике он проявляется в форме конфликтов между олигархами и новым президентом. Экономический кризис привел к возникновению инфляции и ухудшению условий жизни. Общественный кризис заключается в невозможности удовлетворения человеческих потребностей. Доходит до кризиса самоопределения, который выражается угрозой распада Украины на две части – проевропейскую и пророссийскую.

Совокупный кризис приводит к аномии. Еще Эмиль Дюркгейм отметил, что все политические и экономические сотрясения негативно отражаются на социальной ткани (Дюркгейм, 1999, 2006). Возникает аксионормативный хаос: люди не знают, к чему разрешено стремиться, какие нормы имеют юридическую силу, как вести себя в новых условиях. На конфликт между культурными ценностями и институционализированными нормами также обратил внимание Роберт Мертон (1982). По его мнению, аномия возникает тогда, когда, несмотря на использование соответствующих средств, личность не может в духовном плане добиться определенных целей. Аксионормативная система ломается – и появляются девиационные стратегии: инновация, ритуализм, бунт и отступление.

Теория аномии Дюркгейма и Мертона была разработана польскими исследователями в отношении социально-экономического кризиса в Польше в восьмидесятых годах XX в. и большой перемены в 1989 г. (Новак, 2009; Штомпка, 1982; Штомпка, 2000). Стефан Новак вслед за Мертоном констатировал, что блокада человеческих потребностей и стремлений в польском обществе в 80-е годы XX в. означала нелегитимность системы (Новак, 2009, с. 232). Петр Штомпка обратил внимание на такие основные аспекты кризиса, как депривация, аномия и алиенация (Штомпка, 1982)

В результате многократной депривации в Польше в 1989 году произошли большие неожиданные, внезапные, масштабные социальные изменения, коснувшиеся самой сердцевины социальной ткани, то есть культурных ценностей. Польские граждане получили так называемую культурную травму. Возникло столкновение социалистической и капиталистической культур. С одной стороны, одобрялись такие ценности, как стабилизация, коллективизм, эгалитаризм, пассивность, бездействие, приватность. С другой стороны им противостояли, появились ценности, связанные со свободным рынком и демократией: индивидуализм, готовность к риску, стремление к успеху, конкуренция, интерес к общественным делам. Личность внезапно поставили перед лицом противоречивых ценностей. Кроме того, выявлено травматические факторы в результате экономических изменений. Наиболее важными из

них являются: снижение уровня жизни, деклассация, потеря престижа через основные социальные группы, рост цен, инфляция, незащищенность и неуверенность. Продолжительное воздействие этих перечисленных признаков имело негативное воздействие на социальные субъекты. Пессимизм, апатия, отсутствие принятия системных правил, ностальгия за ПНР, евроскептицизм еще больше усугубляли симптомы травмы, толкавшей людей на ряд действий (пассивных и активных). Бунт и инновация вписывались в репертуар активных стратегий, а отступление и ритуализм были выражением пассивных стратегий (Штомпка, 2000; Длугош, 2008).

Обе представленные теоретические модели вписываются в анализ явлений, вызванных Революцией достоинства в Украине. Аксионормативный хаос и моральная дезорганизация вследствие наложения старого и нового общественного порядка привели к дезориентации и неуверенности населения. Отсутствие возможности удовлетворить жизненные потребности с помощью законных средств еще больше увеличило разочарование и неудовлетворенность рядовых граждан. Системная блокировка была своеобразным толчком, ускорившим революционный взрыв. Сегодняшние негативные реалии приводят к появлению последующих травматических факторов: стремительное снижение уровня жизни, подорожание, призрак войны и захват сепаратистами очередных территорий.

Симптомы общественного кризиса проявляются на уровне сознания в форме пессимистических настроений и бегства от реальности. Видимо, выезд на учебу за пределы Украины является своеобразной реакцией на кризис в стране, где приходится жить в атмосфере постоянного эмоционального напряжения.

Целью нашей статьи является предоставление результатов опроса на тему психообщественных последствий многомерных изменений в Украине. Иными словами, она должна выяснить, верит ли украинская молодежь в позитивное окончание нынешнего конфликта, как оценивает свои жизненные шансы, каких политических и экономических решений ожидает в будущем.

Анализируемый материал был собран в марте 2015 г. среди 250 украинских студентов, учащихся в вышях Подкарпатья. Опрос методом анкетирования проведен среди студентов PWSW в Перемышле и в частном вузе Жешува.

ПЕССИМИСТЫ ИЛИ ОПТИМИСТЫ?

Сегодняшняя ситуация в Украине чрезвычайно сложная. В данный момент невозможно предусмотреть дальнейшее развитие событий и их влияние на функционирование общественной системы. Хочется верить,

что реформы и помощь западных государств, ассоциация с Европейским Союзом приведут в недалеком будущем к улучшению общественно-экономической ситуации.

А как воспринимают кризис на родине украинские студенты, обучающиеся на Подкарпатье. С одной стороны, можно сказать, что они чувствуют себя в безопасности. С другой стороны, они не могут быть безразличными к событиям в Украине. Тем более, что в мире цифровых технологий в любом закоулке земного шара можно следить за тем, что происходит в интересующей нас стране.

Ответ на вопрос о шансах реализации целей и жизненных стремлений – это главный показатель аномии и психологической травмы. Негативная оценка равнозначна отсутствию надежды на улучшение жизни и означает недостаточность поддержки населением действующей политической системы.

В оценивании шансов самореализации жизненных целей в Украине, молодежь разделилась: дали позитивный ответ 40% респондентов, 41% опрошенных отметили отсутствие возможностей добиться желаемых жизненных целей, почти пятая часть не смогли определиться с ответом.

Таблица 1. Оценка возможности реализации целей и жизненных стремлений (в %)

Имеет ли молодежь в Украине сейчас шанс на реализацию своих целей и жизненных устремлений?	%
Решительно за	8
Скорее, да	32
Скорее, нет	35
Решительно нет	6
Сложно ответить	19

Улучшатся ли возможности реализации целей и стремлений молодежи в Украине на протяжении пяти ближайших лет? В ходе опроса были получены такие ответы: наступит выразительное улучшение – 20%; наступит определенное улучшение – 44%; ничего не изменится – 23%; наступит определенное ухудшение – 10%; наступит значительное ухудшение – 4%.

Анализ данных показал, что среди студентов больше оптимистов: до 63% верят, что перспективы молодежи в Украине исправятся на протяжении ближайшего времени; около четверти респондентов не верят в изменения, а 14% считает, что в будущем будет еще хуже. Позитивная антиципация будущего указывает, что молодые люди все же питают надежду на изменения и стремятся к позитивной дезинтеграции в общество (Домбровский, 1979). Преобладание оптимизма среди

респондентов свидетельствует о том, что молодежь постепенно выходит из революционной травмы.

Таблица 2. Ожидание направления изменений (в%)

Как Вы думаете, наступит ли на протяжении ближайших 5 лет в реализации целей и стремлений молодежи:	%
Выразительное улучшение	20
Определенное улучшение	43
Будет более или менее так же	23
Определенное ухудшение	10
Значительное ухудшение	4

Для дальнейшего социологического анализа был использован индекс оптимизма по вопросам, анализируемым выше. Позитивные ответы респондентов (две первых категории) на первый и второй вопросы оценивались в два балла, один позитивный ответ – в 1 балл, а отсутствие позитивных ответов – 0 баллов. Картина выглядела следующим образом: 0 – 32%, 1 – 38%, 2 – 31%.

Данные показывают, что среди респондентов преобладали умеренные оптимисты. Процентное соотношение ярко выраженных пессимистов и оптимистов являлось приблизительно одинаковым. Используемая модель линейной регрессии весьма хорошо соответствует данным и объясняет 55% вариантности переменной зависимой, являющейся индексом оптимизма.

В позитивное решение проблем молодежи верят прежде всего приверженцы демократии ($\beta=0,479$). Чем выше уровень национализма респондентов, тем больше у них оптимизма ($\beta=0,271$). Надеются на лучшее более религиозные лица ($\beta=0,228$). Молодые люди, прибегающие к услугам репетиторов, более склонны к оптимистичной оценке своих шансов самореализации ($\beta=0,265$). Чем меньше значения придавали респонденты свободному времени, тем больше оптимизма ($\beta=0,215$). Наиболее оптимистично настроенными по результатам опроса оказались студенты из государственного вуза в Перемышле ($\beta=0,200$). Лица, склонные доверять другим, имели высшую степень индекса оптимизма ($\beta =0,264$).

Оптимистическая позиция была связана еще с нехваткой аффирмации действий *pro publico bono* ($\beta=-0,230$). Респонденты, ставящие на первом плане благосостояние, семейное счастье, также показали высший уровень оптимизма ($\beta=0,179$).

Вера в реализацию целей и улучшение существующей ситуации указывает на потенциал молодежи. Он довольно высок среди приверженцев демократии, стремящихся к общественному благу,

патриотически настроенных, с довольно высоким уровнем образования и материального благосостояния. В этом случае подтверждается теория травмы, согласно которой средствами, позволяющими выйти из травмы во время кризиса, владеет часть общества. Чем выше уровень капитала граждан, тем больше стойкости и оптимизма (Штомпка, 2000).

Таблица 3. Предикторы индекса оптимизма

	β	Значение
Демократия имеет преимущество перед всеми другими формами управления	0,479	0,000
Национализм	0,271	0,001
Религиозность	0,228	0,006
Использование практики репетиторства	0,265	0,002
Свободное время, отдых	-0,215	0,010
Тип школы	0,200	0,016
Большинству людей можно доверять	0,264	0,002
Стремление быть полезным для общества	-0,230	0,011
Благосостояние, семейное счастье	-0,179	0,038

ПОЗИТИВНАЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ?

Нами представлены ответы респондентов относительно оценок жизненных возможностей молодежи. А теперь перейдем к оценке социально-политической системы. До сих пор в значительной степени основным препятствием молодежи в осуществлении ее жизненных планов и стремлений являлась дисфункция политико-экономической системы. В настоящее время она трансформируется. Если общество убедится в эффективности такой трансформации, то поддержит и признает легитимность новой системы. Не нужно исключать и обратный процесс или оспаривание нового общественного порядка в результате невыполнения обещаний политической элиты. Такая ситуация сложилась после Оранжевой революции.

Сегодня трудно определить перспективы произошедших изменений в жизни украинцев. Несомненно, это особенный исторический момент, начавшийся событиями на Киевском Майдане. Следовательно, возникает вопрос, как оценивают сегодняшний кризис в Украине украинские студенты, которые учатся в Прикарпатье.

Первый опрос, в котором оценивались политические и экономические изменения в Украине, показал, что треть респондентов надеется на положительный итог событий на родине, четвертая часть считает, что «финал» будет скорее отрицательным. Значительная часть

респондентов (43%) не может ответить на этот вопрос, что свидетельствует о существенной дезориентации среди опрошенных.

Таблица 4. Оценка направления изменений в Украине (в %)

Сегодня в Украине происходят политико-экономические изменения, которые в будущем принесут много хорошего	
Решительно соглашаюсь	14
Скорее всего соглашусь	17
Сложно сказать	43
Скорее всего не соглашусь	18
Решительно не соглашусь	8

Нынешнюю ситуацию в Украине определяют, с одной стороны, затянувшийся социально-политический кризис, а с другой стороны, – инфляция и глубокий экономический кризис. Они частично связаны с разделением общественности на силы проевропейские, поддерживающие интеграцию с Европейским Союзом, и на пророссийские, союз с Россией, подчинение Путину. По нашему мнению, при отсутствии поддержки, оказанной частью жителей восточных регионов Украины пророссийским силам, не вспыхнула бы война в Восточной Украине. Россияне используют эти разногласия и пытаются представить свои боевые действия как защиту русскоязычного населения от украинских националистов. Речь идет об оценке этих разногласий и возможных последствиях выхода страны из кризиса. Следует также помнить, что в ходе кризиса может произойти перелом, который вызовет положительные результаты. Согласно теории травмы и позитивной дезинтеграции, возникновение новой культуры обязательно предполагает разрушение старой (Домбровский, 1979; Штомпка, 2000).

Для 35% респондентов нынешний конфликт в Украине является началом интеграции общества. В свою очередь, 23% опрошенных считают, что война на Востоке и ее последствия приведут к окончательному политическому и экономическому упадку Украины. Большинство респондентов (43%) не смогли оценить возможные последствия конфликта.

Таблица 5. Оценка будущего Украины (в%)

Какие из поданных предложений Вы считаете истинными:	%
Нынешний период является началом возрождения Украины и интеграции украинского общества	35
Нынешний период является следующим еще одним шагом на пути к окончательному упадку Украины	23
Сложно сказать	42

Последний проанализированный вопрос касался оценки политической ситуации в Украине. Данные, представленные в таблице, показывают: большинство украинских студентов считают, что в теперешней ситуации никто не управляет событиями в стране – 58%. Только 11% ответили, что все важные дела в надежных руках. Треть респондентов не смогла занять какую-либо позицию в этом вопросе.

Таблица 6. Оценка политических последствий кризиса в Украине (в %)

Какие из поданных предложений Вы считаете истинными:	%
Все важные дела в стране в надежных руках	11
Теперь не управляет развитием событий в Украине	58
Сложно ответить	31

Таблица 6, а также предыдущие, подтверждает, что процент оптимистов не превышает треть респондентов. Наибольший оптимизм вызывают изменения в области интеграции украинского общества и в социально-политической системе. Намного хуже выглядит оценивание сферы политического руководства: в отсутствии контроля над тем, что происходит сегодня в стране, убеждены большинство респондентов.

Это еще одно доказательство, что нынешняя ситуация в Украине создала аксионормативный хаос, ведущий к аномии. Обесценивание стандартов в ситуации отсутствия контроля над социальной и политической реальностью, несомненно, является одним из симптомов аномии. Проанализированные ответы показывают, что респонденты скептически настроены к событиям в Украине, и это может оказать существенное влияние на их последующие жизненные решения.

Интересной представляется обусловленность значений аномии среди студентов. Для этого был использован индекс аномии, показывающий негативное направление перемен. Минимальный балл индекса составил 0, а максимальный – 3.

Среди респондентов балл 0 получили 33%, 1 балл – 40%, 2 балла получили 21%, а 3 балла – 6%. Вы можете видеть, что большинство респондентов в диапазоне низких значений аномии.

Таблица 7. Значение индекса аномии (в%)

Значение индекса	0	1	2	3
Процент	33	40	21	6

Используя линейный регрессионный анализ на основе анализируемых переменных, получено модель, объясняющую 42% вариации переменной, иллюстрирующей индекс аномии.

Таблица 8. Предикторы аномии

Объяснительные переменные	β	Значение
Убеждение, что обучение в вузе увеличит шансы найти работу	-0,290	0,001
Демократия имеет преимущество перед всеми иными формами власти	-0,266	0,001
Пол	-0,386	0,000
Жизненные планы	0,353	0,000
Украина – это моя родина/ Украина – это чужая для меня страна	0,225	0,008
Религиозность	-0,242	0,004
Капитализм является плохим режимом, потому что приводит к неравенству	-0,232	0,005
Национализм	-0,200	0,020

Наиболее влиятельным фактором оказался пол лролшенных студентов ($\beta = -0,386$). Студентки были настроены более пессимистично в оценке будущего Украины. Студенты, которые заканчивают свое образование на уровне бакалавра, получили более высокое значение индекса ($\beta = 0,353$). Студенты, считающие, что обучение в вузе не увеличит их шансов на получение хорошей работы, показали более высокое значение индекса аномии ($\beta = -0,290$). Значение индекса аномии увеличивается с антидемократическими убеждениями ($\beta = -0,266$). Чем ниже уровень религиозности молодежи, тем больше пессимизма в их оценке будущего Украины ($\beta = -0,242$). Респонденты, отрицающие, что капитализм ведет к эксплуатации, получили более высокие значения в индексе аномии те студенты ($\beta = -0,232$), которые утверждали, что Украина является для них чужим государством, часто проявляли аномию ($\beta = 0,225$). Чувство национальной гордости и убеждение в преимуществе положительного имиджа украинцев (далее называемые индексом национализма) негативно коррелирует с пессимизмом относительно последствий текущих процессов в Украине ($\beta = -0,200$).

Пессимизм женщин может быть связан с их естественной склонностью к заботе о потомстве. Те, кто закончит учебу, должны думать в ситуации текущего хаоса о своей профессиональной и семейной жизни, поэтому, для них бесперспективность становится все более реальной. Это объясняет негативную оценку студентками шансов после окончания учебы. Антидемократические убеждения можно интерпретировать как реакцию на аномию. Здесь, как и в классической теории Дюркгейма (2006),

религиозность становится мощным средством против аномии. Нехватка привязанности к Украине и дистанция по отношению к народу также увеличивает чувство аномии.

GO WEST

Как мы помним, нынешний вооруженный и политический конфликт начался, когда молодежь поднялась против отказа Президента Виктора Януковича подписать документы об ассоциации с Европейским Союзом. Евромайдан и война на востоке Украины – последствия спора о позиции Украины в европейских структурах. С одной стороны, появляется Россия с ее имперской политикой, которая считает Украину своей колонией. С другой стороны, – молодые люди, которые выступают за уровень жизни в Украине, хотя бы приблизительно напоминающий качество жизни в Польше. Можно сказать, что европейские стремления молодых людей и среднего класса стали причиной сегодняшних проблем с сепаратистами в восточной Украине. Это противостояние между Востоком и Западом, конфронтация сил в разных направлениях порождает аномию в культурной сфере.

Актуальным является вопрос о том, как украинские студенты, обучающиеся в Подкарпатье, видят будущее своей страны.

Данные, представленные в таблице 9, показывают, что большинство респондентов за то, чтобы Украина вступила в Европейский Союз (79%). Приверженцы другой точки зрения считают, что Украина не должна принадлежать ни к какому политическому или военному союзу (43%). Аналогичное число респондентов поддерживают мнение, что Украина должна вступить в НАТО (40%).

Таблица 9. Политическое и милитаристическое будущее Украины (в%)

Украина должна войти в Европейский Союз	79
Украина должна оставаться независимым государством, не принадлежащим ни к одному политическому и военному союзу	43
Украина должна войти в НАТО	40
Украина должна объединиться с Россией и Беларусью в Таможенный союз	3
Украина должна вместе с другими странами заново объединиться в Советский Союз	5
Другое, что именно?	1

Следующие ответы были второстепенными. Только 3% указали, что хорошим вариантом для Украины был бы Таможенный союз с Россией и Беларусью. Мало ответов насчитывал вариант возобновления бывшего Советского Союза (5%).

Украинские студенты являются большими сторонниками интеграции с Европейским Союзом, чем военному союзу с НАТО. Среди респондентов насчитывается также много приверженцев варианта нейтрального государства или не входящего в альянсы с Западом или с Востоком вообще.

Дальнейший анализ направлен на выявление детерминанты прозападной ориентации (индекс от 0 до 2). Один бал получали респонденты, который отметили один из вариантов, два бала – если кто-то отметил два варианта. Нулевое значение индекса получили 18% респондентов, значение «один» – 48%, а значение «два» – 34%. Среди опрошенных большинство составляли умеренные сторонники прозападной ориентации.

Анализ регрессии в построенной модели позволил объяснить только 11% дисперсии зависимой переменной, которой являлся индекс прозападной ориентации. Среди независимых переменных только признак пола оказался статистически значимым. Мужчины, по сравнению с женщинами, более верили, что Украина должна стремиться к военно-политическим союзам на Западе ($\beta = 0,281$).

Таким образом, как свидетельствуют результаты опроса, прозападная ориентация не связана с любыми факторами демосоциальной природы, системы ценностей или социальных ориентаций.

Интеграция Украины с Европейским Союзом рассматривается украинцами как отличная возможность для модернизации и развития цивилизации. Как это ни парадоксально, это единственная страна, где люди отдали свои жизни за Европейский Союз. Сегодня трудно прогнозировать сроки и условия приема Украины в европейские структуры. Несомненно, интеграция Украины с ЕС – залог прогресса. Как же ответили респонденты на вопрос о возможных преимуществах интеграции Украины с Европейским Союзом?

Наиболее часто упоминается в роли как положительного фактора, ликвидация коррупции – 57%. На основе собранной информации (часто также указано, что респонденты выбрали обучение за границей, чтобы избежать коррупции), можно представить, какой большой проблемой для Украины является коррупция.

В сознании молодых людей вступление в ЕС – это экономический рост – 54%, снижение уровня безработицы – 41%, улучшение качества жизни – 36%, возможность образования за границей – 23%, увеличение доходов – 22%. Вышеуказанные последствия присоединения к Европейскому Союзу были отмечены наиболее часто. Реже респонденты акцентировали на увеличении доверия к политикам – 11%, повышении общественной безопасности – 9%, возрастании религиозности – 8%, развитии демократии – 7%, возрастании уровня безопасности страны – 7%,

возможностях развития сельского хозяйства – 4% и соответственно промышленных предприятий – 4%.

Таблица 10. Ожидаемая польза после вступления Украины в ЕС (в %)

Факторы	%
Ликвидация коррупции	57
Экономический рост	54
Снижение уровня безработицы	41
Повышение уровня жизни	36
Возможность образования за границей	23
Увеличение доходов	22
Повышение доверия к политикам	11
Повышение безопасности	9
Увеличение религиозности	8
Развитие демократии	7
Увеличение уровня безопасности страны	7
Возможность развития для сельского хозяйства	4
Возможность развития для предприятий	4
Другое	1

Европейский союз, по мнению студентов, имеет характер институции, которой под силу оздоровить экономику. Потенциальные выгоды возможны только в экономической перспективе. Несколько удивляет, что респонденты не считают вступление в Европейский Союз залогом усиления безопасности государства и граждан (с учетом продолжающейся войны на востоке Украины). Учитывая результаты опроса, можно утверждать, что незначительная часть респондентов рассчитывает на развитие демократии в европейских структурах.

Ответы показывают, что студенты связывают интеграцию Украины с экономикой, в первую очередь, – с улучшением материальных условий жизни. Коррупция воспринимается молодежью как препятствие на пути к нормальному функционированию экономической системы. Тем не менее, трудно предсказать, сможет ли вход Украины в ЕС ликвидировать коррупцию. Здесь, скорее, сами украинцы должны принять меры, чтобы исцелить экономику, потому что никто не сделает этого за них. Согласно теории аномии, коррупция является системным симптомом. Ведь нарушаются моральные нормы и подрывается доверие граждан к власти, государству. Как показывают результаты исследования, студенческая молодежь, находясь за границей, хорошо осведомлена о проблемах в Украине. В частности, последние привели многих к эмиграции. Устранение источников проблем или коррупции, с одной стороны,

позволит улучшить функционирование экономической системы, а с другой – мотивирует их к возвращению после окончания учебы на родину. В конце-концов, можно сделать выводы, что ни одна революция не приведет к глубоким и прочным изменениям в стране, если не будут уничтожены коррупция и олигархическая система. Более того, без участия и вовлечения молодых образованных людей, полных энтузиазма, будет довольно трудно осуществлять реформы и реализовать кардинальные преобразования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Домбровский, К. (1979). Позитивная дезинтеграция. Варшава: PIW.
Длугош, П. (2008). Травма большого изменения на Подкарпатье. Краков: Nomos.
Дюркгейм, Э. (1999). О разделении общественного труда. Варшава: PWN.
Дюркгейм, Э. (2006). Самоубийство. Варшава: Oficyna Naukowa.
Мертон, Р. К., (1982). Социологическая теория и социальная структура, Варшава: PWN.
Новак, С. (2009). О Польше и поляках. Варшава: изд. UW
Штомпка, П. (1982). Динамика движения обновления в Польше в свете теории социального поведения. *Studia Socjologiczne*, № 3 – 4, s. 69 – 93.
Штомпка, П. (2000). Травма большой перемены. Варшава: ISP PAN.

SOCIETY IN CRISIS. THE ATTITUDE OF UKRAINIAN STUDENTS STUDYING IN POLAND TO SOCIO-POLITICAL CHANGES IN UKRAINE

Piotr Dlugosz – PhD, sociologist, University of Rzeszow and East European State Higher School in Przemysl.

Scientific interests: sociology of education and youth, youth of the Polish-Ukrainian borderland.

E-mail: ptc@wp.pl

Доминика Издэбска-Длугош*

ПОЛЬША ГЛАЗАМИ УКРАИНЦЕВ, НАЧИНАЮЩИХ УЧЕБУ В ПОЛЬСКИХ ВУЗАХ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА²

Настоящий текст информирует о результатах социологического опроса, проведенного в октябре 2013 г. среди 253 студентов из Украины, которые в этот период начали учебу в вузах Польши. Качественное исследование предлагало ответы на следующие вопросы: какие ассоциации вызывает у молодых украинцев Польша, как они ее себе представляют, что о ней знают? Полученные в ходе опроса данные были разделены на семь тематических групп, или категорий, структура которых проанализирована в статье. Определено, что Польша преимущественно ассоциировалась с ее членством в Европейском Союзе и оценивалась исключительно „позитивно”. Ассоциации, факты, представления опрашиваемых создали у них идиллический образ Польши, граничащий с утопией. Сильное влияние на эти ассоциации оказали планы респондентов на будущее и их собственная проекция – надежды на лучшее.

Ключевые слова: украинские студенты, учеба в Польше, образ Польши.

The following paper aims at presenting the findings of a survey conducted in October 2013 on a group of 253 students from Ukraine, who have recently undertaken studies in Poland. The qualitative research attempts to answer the question of what associations, images and knowledge of Poland they have. The data obtained by this means has been divided into seven thematic fields. In this article, the thematic structure of each category has been shown. Poland has been most often associated with its membership of the European Union; furthermore, it has been invariably “positively” evaluated. Respondents’ associations, facts and images have depicted Poland as being idyllic or even utopian. The aforementioned associations are strongly influenced by respondents’ projections and plans for the future.

Keywords: Ukrainian students, studies in Poland, image of Poland.

УКРАИНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СЕГОДНЯШНЕЙ ПОЛЬШЕ

Сегодня в польских учебных заведениях обучается свыше 29 тыс. иностранных студентов. Наиболее многочисленную группу среди них составляют украинцы – в 2012/2013 академическом году она насчитывала 9 747 человек (а это каждый третий студент из-за границы). Эти данные представлены в рапорте Образовательного Фонда „Перспективы” – „Иностранные студенты в Польше 2013”. Этом документ позволяет

* Доминика Издэбска-Длугош – докторант кафедры русской филологии, Жешувский университет.

Научные интересы: полонистическая глоттодидактика, обучение польскому языку как иностранному в украиноязычной среде.

E-mail: domza@interia.pl.

² Настоящий текст на польском языке: *Sąsiedztwa III RP - Ukraina. Zagadnienia społeczne*, red. M. Dębicki, J. Makaro, Wydawnictwo Gajt, Wrocław 2015 (в печати).

обнаружить, что, по сравнению с 2005 г., количество обучающихся в польских вузах украинцев возросло пятикратно и продолжает стремительно увеличиваться. В этом контексте исследователи говорят уже о так называемой „украинизации” образовательной системы Польши и некоторых ее высших учебных заведений в частности: „Во многих вузах Польши сегодня студенты из Украины составляют наиболее многочисленную и доминирующую национальную группу среди иностранных обучающихся – иногда попросту единственную” (Рапорт „Иностранные студенты в Польше – 2013” (Studenci zagraniczni w Polsce 2013. www.perspektywy.pl).

Постоянный рост количества приезжающих в Польшу студентов, которые начинают здесь учебу, является одновременно производной и составной частью более широкого явления – постепенного оживления контактов между поляками и украинцами, между двумя странами за последние 13 лет (2000 – 2013 гг.). В рапорте Института общественных дел „Польша – Украина. Поляки – украинцы. Взгляд через границу” авторы приходят к выводу, что именно украинцы более, чем поляки, активны в посещении соседней страны с целью туризма и трудоустройства. На протяжении упомянутых тринадцати лет „поляки и украинцы перестали воспринимать друг друга как чужих и незнакомых. По сравнению с ситуацией начала первой декады XXI века, значительно возросло количество информации об Украине в польских СМИ и о Польше – в украинских соответственно. Это произошло главным образом в результате “оранжевой революции” в Украине в 2004 году и вызвавшей стихийную поддержку польских граждан, а также их активное участие в инициативе Восточного партнерства. В период 2000 – 2013 гг. существенно возросло и количество взаимных живых контактов, не ограничивающихся информацией из СМИ или рассказов знакомых. Ежегодно увеличивается и количество виз, выданных гражданам Украины польскими дипломатическими представительствами” (Fomina, Konieczna-Salamatin, Kucharczyk, Wenerski, 2013, с. 43-44).

Можно предположить, что напряженные общественно-политические события в Украине (Майдан, аннексия Крыма, продолжающееся противостояние пророссийским сепаратистам, уже открыто называемое войной) и их последствия повлекут за собой дальнейшее развитие более тесных контактов между нашими государствами и народами. Поляки отнюдь не безразличны к тому, что происходит за их восточной границей. Они оказывают материальную и моральную поддержку участникам событий, разворачивающихся у своих восточных соседей украинцев. Польша – это ближайшее к Украине и одновременно очень открытое, заинтересованное, доброжелательное и гостеприимное государство. Если до 2013 г. Польша была второй после России страной, которую выбирали

для получения высшего образования молодые украинцы, то вполне вероятно, что в ближайшие годы эта пропорция диаметрально изменится. Можно также предположить, что тенденция к постоянному увеличению количества приезжающих на учебу в Польшу украинцев будет, по меньшей мере, еще некоторое время сохранена.

В проведенных социологических исследованиях иностранные студенты составляли существенную группу „межкультурных путешественников” (Chutnik, 2007, с. 20). Они опрашивались зачастую с целью лучшего удовлетворения их запросов, обусловленных обучением в другой стране. Такие опросы связаны с тем, что иностранцы представляют важнейший источник дохода для многих образовательных учреждений Польши. “Обслуживание клиента” и удовлетворение его потребностей являются существенными факторами любой государственной структуры. Поступающая от студентов информация об имеющихся проблемах используется вузовской администрацией с целью улучшения предоставляемых ею услуг. Такая информация также позволяет разрабатывать учебные и адаптационные программы, содействующие академической и культурной адаптации студентов” (Chutnik, 2007, с. 23).

В связи с вышеописанными явлениями наплыва в вузы молодых украинцев в Польши, последние зачастую становятся объектом заинтересованности и социологических исследований со стороны польских ученых. Необходимо критично анализировать причины выбора украинцами обучения в образовательных учреждениях Польши, исследовать их представления об этой стране и ее жителях, их ожидания от учебы, а также планы, связанные с пребыванием здесь.

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Опрос, результаты которого представлены в настоящем тексте, был проведен в октябре 2013 г. среди 253 студентов-первокурсников из Украины (разные направления обучения), которые в этот период начали учебу в одном из жешувских вузов (на момент опроса они учились там не более двух месяцев). Его результаты подтверждают упоминаемое нами выше явление „украинизации” польского высшего образования, вследствие чего украинцы составляют там подавляющее большинство среди всех иностранных студентов. В 2013/2014 академическом году в этом учебном заведении обучались 620 девушек и 548 юношей из Украины. Преобладание студенток, как видим, было небольшим. Возраст большинства опрашиваемых на момент исследования составлял преимущественно 17 лет. Среди украинских студентов доминируют представители западных областей Украины: Львовской, Ивано-Франковской, Волынской, Тернопольской. Приезжают также на учебу выходцы из центральной Украины (Винницкая, Хмельницкая и

Кировоградская области), а также учатся несколько человек из восточных областей (Полтавская, Черниговская, Одесская). Среди чаще всего избираемых украинцами направлений обучения можно выделить туризм и рекреацию, экономику, журналистику и общественную коммуникацию, информатику. Приезд в Польшу с целью получения высшего образования для них, как правило, является первым длительным выездом за рубеж.

В ходе исследования был использован один из проекционных вербальных (словесных) методов, а именно техника окончания предложений (проекционные методы – Sołoma, 2000, с. 99-100). Респондентам необходимо было предложено окончить одно предложение: „Польша у меня ассоциируется с...”. Каждый из опрашиваемых мог упомянуть неограниченное количество возникших у него в этом контексте объектов. Этот опрос являлся частью более широкого качественного исследования с целью определить у украинских студентов имидж поляков, восприятие Польши, а также планы на будущее, связанные с учебой.

Таким образом, задачу проведенного опроса можно сформулировать так: выяснить, с какими представлениями, информацией, образами, фактами, новостями, известными людьми молодые украинцы связывают понятие „Польша”. Ответы респондентов были обусловлены их опытом опосредованным (информация „из вторых рук”) и непосредственным (проживание и учеба в Польше). Исследуемый образ страны, таким образом, формировался в сознании студентов не в результате объективных знаний о ней, а путем синтеза знаний ориентировочных, пропущенных через индивидуальные “познавательные фильтры”; это субъективный набор информации, представлений и проекций вместе с сопровождающими их эмоциями (Gorbaniuk, Rabczak, 2011; Riabczuk, 1998; Konieczna, 2001; Konieczna-Sałamatin, 2011).

Ответы респондентов, полученные благодаря проекционному методу, были для ясности классифицированы на семь тематических категорий. В рамках отдельных групп можно отыскать и „положительные” ассоциации, и ассоциации „негативные” или „нейтральные”.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА ПОЛЬШИ В ВОСПРИЯТИИ УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ

Тематические категории, на которые были разделены ответы респондентов, вместе с частотой полученных в каждой из соответствующих групп ответов (в процентном соотношении) представлены в нижеприведенном перечне в убывающей последовательности:

- Польша – какова она (23%);
- культура, традиции, история (22%);

- условия ежедневной жизни (13%);
- учеба и планы на будущее (11%);
- люди (поляки) (10%);
- география, природа, польские города (9%);
- политика, спорт (5%).

Из приведенного, наиболее общего списка следует, что чаще всего молодые украинские студенты описывали Польшу с помощью традиционных определений, выраженных грамматически именами прилагательными (категория „Польша – какова она”). Почти так же часто страна на Висле ассоциировалась с фактами, представлениями и известными людьми (тематическая группа “Культура, традиции, и история”). Для приезжающих на учебу в Польшу украинцев существенными для ее восприятия являются условия ежедневной жизни (третья тематическая категория). Обучение в вузах и ближайшие для студентов-иностранцев планы на будущее естественным образом также были отображены в представленном исследовании. Как и любая другая страна, Польша ассоциировалась и с ее жителями. Реже орашиваемые прибегали к географическому аспекту – когда упоминали польские города и польскую природу. Менее всего респонденты связывали Польшу с фактами из политической жизни или спорта – поэтому оба эти аспекта вошли в одну тематическую категорию.

Проанализируем конкретнее отдельные тематические категории ответов в ходе проведенного опроса.

1. „Польша – какова она”

Таблица 1 - Тематическая структура ответов

Категория „Польша – какова она” (120 – 23%)	
Цивилизация, развитие, „европейскость” (83)*	„Европа, Европейский союз, европейское государство” (65), „более высокий уровень жизни, чем в Украине” (4), „цивилизованная страна (более, чем Украина)” (3), „государство, которое развивается экономически и социально” (3), „хорошая экономика” (2), „жизнь по европейским стандартам” (2), „более европейский стиль жизни” (2), „хорошо организованная страна” (1), „страна с современными технологиями” (1).
Общин определения (32)	„Прекрасная, хорошая, красивая, милая страна” (15), „спокойное место” (3), „спокойствие” (2), „большая страна” (1), „соседняя страна” (1), „известное в мире государство” (1), „нормальная страна” (1), „страна культуры” (1), „как Украина” (1), „как Германия” (1), „свободная страна” (1), „свобода” (1), „дисциплина” (1), „все самое лучшее” (1), „хорошая для проживания в ней страна” (1).
Собственный опыт(5)	„Это мой дом” (2), „страна, в которой я родился” (1), „родина моей бабушки” (1), „это не мой дом” (1).

Источник: собственное исследование

* Указано количество представленных респондентами ответов

Этой тематической категории отдали предпочтение наибольшее количество опрошиваемых (120). На что же обратили свое внимание те из них, которые решили „определить” Польшу, описывая ее многочисленные атрибуты? Оказалось, что для молодых украинцев, которые в этот период начали учебу в вузах этой страны, Польша прежде всего вызывает ассоциации с Европой, с Европейским Союзом, с европейским государством, с „европейскостью”. При этом речь идет об не столько аспекте географическом, а сколько о геополитическом – факте принадлежности Польши к европейскому сообществу, которое в наше время приняло организационную форму союза государств Европы.

Такое частое (83) выделение данного факта респондентами имеет своеобразное истолкование. Во-первых, акцентируется членство Республики Польша в Евросоюзе в противовес Украине, которая не входит в ЕС. Поэтому для украинских студентов Польша является более „цивилизованной” страной, которая успешно развивается, с „хорошей экономикой”, с „современными технологиями”, „хорошей организацией”, с „европейскими стандартами” и „европейским стилем жизни”.

Украина же, наоборот (поскольку область сравнения акцентируется опрошиваемыми или появляется косвенно), не является членом ЕС – и, следовательно, не достигла высокого уровня цивилизации (как Польша и другие страны – члены Евросоюза). По сравнению с Польшей, она характеризуется цивилизационной отсталостью, вызванной, как косвенно следует из полученных ответов, отсутствием статуса принадлежности ЕС. В связи с этим, можно сделать вывод, что для украинских студентов, обучающихся в Польше, Европейский Союз является образованием, которое осуществляет, помимо многих иных, объединяющую и вместе с тем отчуждающую функции. Государство, которое в него входит, получает больше шансов на развитие, ведь „европейскость” – это цивилизация и прогресс, а отсутствие принадлежности к ЕС обрекает страну на отсталость. Этот слишком односторонний и “черно-белый” образ Европейского Союза формируется не на основании реальных знаний о евросоюзных структурах и их влиянии на развитие стран-членов, а на воображаемой картине объединенной Европы. Евросоюз для опрошиваемых является „запретным плодом”, наделенным наиболее позитивными атрибутами, но, к сожалению, малоизвестными. Украинцы чувствуют себя незаслуженно отрезанными от Евросоюза, который, по их мнению, от них “отгородился”, что приводит также к низкой самооценке первых. Несмотря на сильное желание принадлежать к сообществу евросоюзных государств, Украина вынуждена считаться с очередным „закрытием перед носом дверей” в Евросоюз (в ноябре 2013 года в Вильнюсе так и не был подписан договор об ее ассоциации с ЕС).

Респонденты, описывая черты европейского сообщества, отождествляют ЕС с цивилизационным, экономическим, политическим и общественным прогрессом. Следовательно, в нашей исследовании мы имеем дело не со специфическими чертами Польши, а с ее общей характеристикой в качестве члена ЕС – страны, схожей с другими государствами-членами, которую можно выделить только благодаря географической близости к Украине, подразумевающей доступность контактов между жителями обозначенных стран. Европейский Союз, как считают молодые украинцы, предоставляет отличные шансы и возможности для качественного высшего образования, получения „европейского” диплома и устройства на хорошую высокооплачиваемую работу. Возможность получения евросоюзных стипендий и пользования образовательными программами ЕС (особенно предназначенными именно для граждан Украины) – наиболее распространенные мотивы приезда украинцев на учебу в соседнюю Польшу.

Кроме „европейскости” в качестве конститутивной черты, Польша описывалась как „милая, хорошая, прекрасная, красивая”, а также „нормальная”, „свободная” и „спокойная” страна, что опять-таки свидетельствует о принятой опрашиваемыми субъективной окрашенности восприятия. В характеристике Польши, и это следует особо подчеркнуть, присутствуют положительные аспекты, употребления превосходных степенем сравнения в определениях общего и неконкретного характера. Наличие отчетливо позитивного восприятия Польши юных студентов-украинцев можно истолковать сквозь призму теории „культурного шока” (аккультурации, культурной адаптации) (Chutnik, 2006, с. 61). Ведь опрашиваемые обучающиеся польских вузов в момент опроса находились в фазе „медового месяца” – начального периода пребывания за границей, обычно кратковременного, отличающегося чрезмерными взволнованностью, эйфорией, субъективностью, увлеченностью и энтузиазмом (модель „культурного шока” Oberg – Chutnik, 2006, с. 49-52).

2. Категория „Культура, традиции, история”

Таблица 2 - Тематическая структура компонента опроса „Культура, традиции, история”

Категория „Культура, традиции, история” (118 – 22%)	
Кулинария (34)	„Жур” (9), „вкусная еда, вкусная польская кухня” (7), „бигос” (3), „хорошее пиво” (3), „кебаб” (3), „йогурт” (1), „перники (имбирные пряники)” (1), „сырник (чизкейк)” (1), „яблоки” (1), „гофры (вафли)” (1), „фляки (суп из трепухи)” (1), „колбаски” (1), „капуста” (1).

Известные поляки (23)	„Адам Мицкевич” (13), „Шопен” (3), „Коперник” (2), „Ян Матейко” (1), „Ян III Собеский” (1), „Анджей Сапковский” (1), „Лемон (рок-группа)” (1), „известные актеры” (1).
Традиции, обычаи, праздники (21)	„Хорошая, интересная культура” (7), „бело-красные цвета” (5), „традиции, обычаи” (3), „разные праздники” (2), „Рождество” (1), „европейская культура ” (1), „Вавельский Дракон” (1), „польский гимн” (1).
История и язык (19)	„Богатая история” (6), „польский язык” (5), „история Украины (общая история” (4), „украинский язык” (3), „II мировая война” (1), „Солидарность” (1).
Архитектура (8)	„Архитектурные памятники” (6), „замки” (1), „старинные особняки, сооружения, имения” (1).
Религия (7)	„Католицизм” (3), „костелы” (2), „Иоанн Павел II” (2).
Искусство, в т.ч. музыка, кинематограф (6)	„Искусство” (1), „музыка” (1), „интересные фильмы” (1), „Огнем и мечом” (кино) (1), „Пчелка Майя” (1), „полька (танец)” (1).

Источник: собственное исследование

Второй по частоте упоминания в исследовании является тематическая категория, включающая известных личностей, факты и представления из области польской культуры, ее традиций и истории. Польшу часто связывают с национальной кухней, известными польскими блюдами, что свидетельствует о непосредственном опыте опрошенных. Коронным блюдом на польском столе является журек, а кроме бигоса в Польше едят еще кебаб. Среди знаменитых поляков, фамилии которых ассоциировались со страной на Висле, чаще других упоминался Адам Мицкевич. И это не удивляет, поскольку он для многих иностранцев, представителей других национальностей, является ключевой личностью к польской культуре былых времен. Именно культура, искусство и прежняя научная деятельность, хотя и наиболее скромная, нашли свое отражение в ассоциациях молодых украинцев. Тематика современного искусства (представленного исключительно фамилией писателя Сапковского и рок-группой “Лемон”) в исследовании представлена минимально. Что касается исторического аспекта, часто употребляемого поляками в отношении Украины и ее жителей (Fomina, Konieczna-Salamatin, Kucharczyk, Wenerski, 2013, с. 50-51), то в проведенном опросе упоминается в очень общих чертах „богатая история” Польши и совместная история обоих государств, но, к сожалению, отсутствуют какие бы то ни было конкретные факты.

В свете полученных в исследовании высказываний, Польша, таким образом, представлена страной богатой культуры, вызывающей ассоциации с личностями Адама Мицкевича, Шопена и Коперника. Это католическое государство с польским языком и национальной бело-

красной государственной символикой. Польша – это страна с „богатой” историей и „интересной” культурой, изобилующая многочисленными архитектурными достопримечательностями. Ассоциации столь общего характера указывают на отсутствие конкретных страноведческих знаний опрашиваемых относительно Польши.

Отметим, что в вышеприведенном перечне ответов отсутствуют „негативно” окрашенные высказывания. Прослеживаются исключительно „положительные” мнения и представления, выраженные общими утверждениями (как, например, „вкусная еда”, „хорошее пиво”, „богатая история”, „интересная культура” и т.д.).

3. Категория „Условия повседневной жизни”

Таблица 3 - Тематическая структура критерия „Условия повседневной жизни”

Категория „Условия повседневной жизни” (69 – 13%)	
Инфраструктура (51)	„Более качественные, ровные дороги” (21), „чистые, красивые улицы” (6), „чистота” (6), „прекрасные, зеленые парки” (4), „порядок” (3), „дорогие автобусные билеты” (3), „автобусы” (2), „узкие улицы” (1), „велосипеды” (1), „хорошая сеть велосипедных трасс” (1), „длинная очередь на границе” (1).
Покупки (18)	„Красивые, дешевые автомобили” (6), „магазин “Бедронка” (3), „магазины” (2), „дешевые продукты питания” (2), „дешевая одежда” (2), „красивые торговые центры” (1), „хорошие услуги” (1), „продукты питания, которых нет в Украине” (1).

Источник: собственное исследование

Данная группа ответов включает мнения о товарах, доступных в Польше, о покупках и инфраструктуре вместе с пространством города (Жешува). Эти представления связаны с непосредственным опытом опрашиваемых – они оценивают то, что видели сами, проверили, в чем участвовали. Поэтому чаще всего украинские студенты акцентируют внимание на хорошем техническом состоянии польских дорог, противопоставляя их отечественным, качество которых обычно считает чрезвычайно низким. Часто упоминаются также чистота и порядок на польских городских улицах. Жешув глазами украинцев – красивый, чистый, ухоженный город с разветвленной сетью велосипедных дорог и красивыми парками. В украинских студентов Польша ассоциируется также с покупками, которые можно здесь приобрести. Респонденты упоминают о дешевых товарах, особенно автомобилях, о продуктах питания и одежде. Обычно в Украине они стоят намного дороже. В этой категории также отчетливо доминируют „положительно” окрашенные высказывания, несмотря на единичные упоминания о высоких ценах билетов на городской общественный транспорт. В свою очередь, удивляет отсутствие оценки жилищных условий. Отмеченный факт можно

объяснить коротким периодом пребывания респондентов в Польше: они могли просто не успеть ознакомиться с польскими квартирами.

4. Категория „Учеба и планы на будущее”

Таблица 4 - Тематическая структура категории „Учеба и планы на будущее”

Категория „Учеба и планы на будущее” (60 – 11%)	
Учеба и посещение занятий (36)	„Учеба” (15), „с моим вузом (указывается название)” (13), „новая жизнь, новые люди” (7), „вечеринки, мероприятия” (1).
Планы (представления, проекции) (18)	„Больше (много) возможностей” (7), „лучшая, комфортная жизнь” (6), „лучшее будущее” (2), „перспективы” (2), „инновации” (1).
Образование – в целом (6)	„Очень хорошее образование” (2), „студенты” (2), „просвещение” (2).

Источник: собственное исследование

Ассоциации опрошиваемых, вызываемые учебой, вузом и представлениями о будущем, по частоте упоминания оказались на четвертом месте. Это означает, что в оценке Польши молодыми украинцами не доминируют чисто прагматические аспекты. Наибольшее количество ассоциаций в этой тематической группе касается обучения и вуза, в котором респонденты недавно начали получать высшее образование.

Опрошиваемые не оценивают конкретно ни процесса и методов обучения, ни выбранного вуза, ни его преподавателей и т.д. Учеба в Польше должна обеспечить молодым украинцам лучшее начало профессиональной карьеры – об этом свидетельствуют вызываемые Польшей ассоциации, связанные с планами на будущее. Чаще всего страна на Висле ассоциировалась с „большими возможностями”, „лучшей жизнью”, „лучшим будущим”. В контексте таких ассоциаций Польша воспринимается украинцами в качестве „благодетеля”: отодвигает перспективу бедности и безработицы, обеспечивает будущее, работу, комфорт. С учетом преобладания положительных, почти утопических мнений респондентов вновь напрашивается взвод о первой фазе их приспособления к жизни за границей – так называемом, „медовом месяце”.

5. Категория „Люди – поляки”

Таблица 5 - Ответы, полученные в рамках категории „Люди – поляки”

Категория „Люди – поляки” (53 – 10%)	
„хорошие, милые, интересные, образованные, культурные, приятные, необыкновенные люди” (36), „женщины (красивые, прекрасные)” (10), „поляки” (5), „родители” (1), „красивые парни” (1).	

Источник: собственное исследование

Часть респондентов, конструируя образ Польши, ссылались на ее жителей. Страна, таким образом, зачастую „определялась” при помощи характеристики ее граждан. Оценке поляков в исследовании присуща появились исключительно „положительная” окраска.

6. Категория „География, природа, польские города”

Таблица 6 - Тематическая структура компонента опроса „География, природа, польские города”

Категория „География, природа, польские города” (49 – 9%)	
Польские города (38)	„Варшава” (9), „Краков” (9), „Жешув” (5), „прекрасные города” (5) „старые города” (2), „красивый, европейский город” (1), „Вроцлав” (1), „Познань” (1), „Ярослав” (1), „Закопане” (1), „Рынок (в Жешуве)” (1), „Львов” (1).
Природа (11)	„Горы (Татры)” (6), „прекрасная природа, пейзажи” (4), „красивые деревья” (1).

Источник: собственное исследование

Относительно редко образ Польши опрашиваемые связывали с природными и географическими атрибутами. В рамках этой тематической группы наиболее часто упоминались отдельные польские города: самые крупные и наиболее значимые (Варшава, Краков); тот, в котором респонденты учатся (Жешув), или ближайшие к нему населенные пункты (Ярослав). И на этот раз ответы были исключительно „положительными” и довольно обобщенными.

7. Категория „Политика, спорт”

Таблица 7. - Тематическая структура группы „Политика, спорт ”

Категория „Политика, спорт” (28 – 5%)	
Актуальные события (политические и спортивные) (12)	„Евро-2012” (9), „смоленская трагедия” (2), „хорошие отношения Польши и Украины” (1).
Спорт (9)	„Футбол” (7), „волейбол” (1), „Легия” (футбольный клуб) (1).

Известные политики и спортсмены (7)	„Президент Коморовский” (3), „Дональд Туск” (1), „Квасьневский” (1), „Лех Качиньский” (1), „Левандовский, Блашиковский, Пищек” (1).
-------------------------------------	---

Источник: собственное исследование

Реже всего Польша ассоциировалась у украинцев с известными политиками и спортсменами, поэтому из ответов, касающихся этих тем, была создана отдельная, последняя по частоте упоминания категория. В контексте спорта Польша у украинцев вызывала ассоциации с чемпионатом Европы по футболу “Евро-2012”, особенно в качестве партнера Украины по его организации. Следовательно, Польша могла ассоциироваться также с футболом. Отдельные голоса, упоминающие о людях политики, главным образом актуальных руководителях государства, не помогают прийти к каким-либо выводам.

ОБЛАСТЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО И ОПОСРЕДОВАННОГО ОПЫТА

В полученных в исследовании результатах отчетливо обнаружилась двойная направленность источников знаний и представлений о Польше у опрашиваемых. Часть ассоциаций связана с областью непосредственного опыта респондентов (который на момент опроса еще очень ограничен), и, таким образом, является следствием их проживания в Польше – личного опыта польской действительности. Эту видимую и испытываемую польскую действительность украинцы естественным образом сравнивают со своей, украинской. Это совершенно нормально, что все новое и чужое сравнивается с уже знакомым и привычным. Поэтому мы и узнаем, что „дороги в Польше лучше”, „польское государство является более цивилизованным”, в Польше „более европейский стиль жизни”, „лучше, комфортнее жизнь”, в Польше ждет „лучшее будущее”. Разумеется, не только в примерах, где сравнение выражается напрямую, можно ожидать использования опрашиваемыми области сравнения. Ведь если акцентируется членство Польши в ЕС, то делается это потому, что родина украинцев в него не входит. Если подчеркиваются и замечаются такие черты польского государства, как „хорошая экономика”, „цивилизация”, „развитие”, то по причине отсутствия, по мнению респондентов, таких свойств в Украине. Если речь идет о „дешевой еде”, „дешевой одежде” и „дешевых автомобилях”, то вследствие того, что в Украине они стоят дороже. Связанные с непосредственным опытом опрашиваемых ассоциации свидетельствуют о том, что Польша для молодых украинцев является своего рода противоположностью их родины. Рисуеться в этом случае черно-белая, дихотомическая картина, на которой Польша изображена положительно, а Украина – негативно. Польша становится

также своеобразной „компенсацией” – должна дать то, что не даст Украина. Область непосредственного опыта выражается также в определении планов на будущее. Польша, оцениваемая „положительно” или даже сверхоптимистично, может предоставить молодым украинцам хороший старт во взрослую жизнь: даст возможность получения „европейского” диплома об окончании вуза, даст шанс получить хорошую высокооплачиваемую работу. Польша предоставляет шансы, перспективы и возможности, которых не нашли и не находят опрашиваемые в своей стране. Область непосредственного опыта касается также оценки условий ежедневной жизни. Такой оптимизм и завышенные ожидания могут потом сыграть с украинской молодежью злую шутку. Социальные проблемы, которые существуют в каждом обществе, принесут в дальнейшем некоторое разочарование. По истечении некоторого времени, студенты более реально и рационально начинают воспринимать действительность, снимают розовые очки, включаются в повседневные практики, наполненные обычными жизненными проблемами.

Что касается опыта опосредованного, источником которого является информация и знания, черпаемые из книг, фильмов, СМИ, передаваемые образовательными учреждениями или знакомыми (Fomina, Konieczna-Salamatin, Kucharczyk, Wenerski, 2013, с. 25-29), то входить в него будут ассоциации, связанные с польским языком, польскими городами (хотя мы и не знаем, побывали ли там респонденты или только о них слышали), с фамилиями известных и прославленных поляков, с актуальными событиями и историческими фактами.

Источник знаний и представлений о Польше невозможно определить неоспоримо и ясно – мы не располагаем в настоящем исследовании данными, которые позволили бы констатировать такую взаимосвязь. В большинстве случаев мы можем только догадываться. Сложно также установить преобладающий источник знаний у респондентов. Однако следует помнить, что обе области опыта нашли здесь свое отражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опрос, проведенный среди 253 студентов-первокурсников из Украины, обучающихся в Польше, показал, что респонденты:

- Конструируют образ Польши исключительно в „светлых” тонах. В каждой из затронутых тем отчетливо доминирует „положительная” оценка. Заметны здесь, во-первых, юношеский оптимизм, во-вторых, согласно теории „культурного шока”, пребывание респондентов в данном периоде в состоянии эйфории, с которой связаны определенные явления, что является результатом первой фазы проживания за границей (опрашиваемые пребывают в Польше 1-2 месяца). Государства, которые богаче нашей родины, мы обычно оцениваем лучше, и если для Польши

такими странами являются страны Западной Европы, то для Украины – Польша.

- Наиболее важным атрибутом Польши оказалось ее членство в Европейском союзе.

- Польшу опрошиваемые воспринимают как страну с хорошим управлением, современную, находящуюся на высоком цивилизационном уровне. Это европейская страна, в которой люди живут „по-европейски” – в этой стране жить хорошо.

- Польша, по мнению опрошиваемых, является „прекрасной, хорошей” страной, в которой живут „хорошие и милые” люди – эта идиллическая картина, несомненно, базируется на представлениях и проекциях молодых людей, пребывающих в периоде „медового месяца” (теория аккультурации).

- В Польше преобладают хорошие условия ежедневной жизни. Товары в Польше, по мнению респондентов, дешевы, инфраструктура превосходна, города чисты, упорядочены и ухожены.

- В сфере культуры и обычаев Польша, как считают опрошиваемые, представлена польской кухней, культурой, прежней наукой и искусством. Обнаруживается отсутствие у украинских студентов знаний о явлениях культуры и современного искусства. Многие мнения формируются на базе общих определений: „богатая история”, „памятники архитектуры”, „хорошая, интересная культура”, „различные праздники”, „традиции, обычаи”. Таким образом, здесь также мы имеем дело с идиллическим, положительным представлением, а не с реальными знаниями на тему описываемых явлений.

- Больше явлений Польшу и Украину разделяет, чем связывает. Наши страны, как оказалось, отличаются главным образом в области государственности, а также в сфере условий повседневной жизни. Точки соприкосновения стран для респондентов находятся в сфере прошлого (язык, общая история), а все актуальное, современное демонстрирует большую разницу в пользу Польши.

- У опрошиваемых Польша ассоциируется с их потенциальным образовательным и профессиональным успехом, и, следовательно, с успехом жизненным. Польша осуществляет спасательную функцию: от бедности, безработицы, социального отчуждения. Польша – это потенциал, который респонденты решили использовать для получения „европейского” образования и хорошей работы.

В заключение следует также подчеркнуть, что украинские студенты воспринимают Польшу в качестве средства для осуществления своих профессиональных планов и жизненных целей, несмотря на то, что прагматическая сторона в опросе не доминирует. Опрошиваемые не

знакомы с Польшей (действительные знания фактически здесь не появились), достаточным оказывается тот факт, что Польша является членом Европейского союза. Большинство ассоциаций, вызываемых Польшей, являются проекциями, сверхоптимистичными мнениями, идиллическими, почти утопическими картинами, которые в определенном моменте (в очередных фазах эмоциональных реакций, согласно Обергу) должны подвергнуться столкновению с действительностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Studenci zagraniczni w Polsce 2013. www.perspektywy.pl, pobrano 25. 04. 2014.
- Fomina, J., Konieczna-Salamatin, J., Kucharczyk, J., Wenerski, Ł. (2013). Polska-Ukraina. Polacy-Ukraińcy. Spojrzenie przez granicę. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych.
- Chutnik, M. (2007). Szok kulturowy. Przyczyny, konsekwencje, przeciwdziałanie. Kraków.
- Sołoma, L. (2002). Metody i techniki badań socjologicznych. Wybrane zagadnienia. Olsztyn.
- Gorbaniuk, O., Rabczak, D. (2011). Struktura wizerunku kraju i jej pomiar. Studia Socjologiczne. 4, 77-94.
- Riabczuk, M. (1998). Polski, Polak, Polska – próba filologicznego krajoznawstwa. Więż. 3, 33-47.
- Konieczna, J. (2001). Polska – Ukraina. Wzajemny wizerunek. Warszawa.
- Konieczna-Salamatin, J. (2011). Coraz dalsi sąsiedzi? Wizerunek Polski i Polaków na Ukrainie. Warszawa.

POLAND AMONG UKRAINIANS WHO UNDERTAKE STUDIES: THE RESULTS OF SURVEY RESEARCH

Dominika Izdebska-Długosz – doctoral candidate in the Department of Russian Studies of the University of Rzeszów.

Research area: Polish language education, teaching PFL in the Ukrainian community.

E-mail: domza@interia.pl.

Michał Dobrołowicz*

POLISH GENERATION Y AS A GENERATION IN THE SITUATION OF ANOMIE. THE PROPOSAL OF A DESCRIPTION OF YOUNG POLES' SITUATION ON THE JOB MARKET ON THE BASIS OF THE THEORY OF ANOMIE BY ROBERT MERTON

The article consists of two parts. In the first one, there are presented the most important conclusions which stem from the query (conducted in years 2010-2013) about characteristic features of young Poles. While gathering materials for the analysis, the attention was paid to the presence of information about features present in declarations, attitudes and behavior of young people which pertain to the job market. In the second part, the thesis will be proposed, according to which the situation of Polish Generation Y may be described as the situation of anomie.

Keywords: *Generation Y, anomie, job market, neoliberalism, young people, youth*

POLISH GENERATION Y AS A SUBJECT OF RESEARCH AND A MARKETING LABEL

Researchers of generational conditioning of the attitude towards employment enumerate several features which are often ascribed to representatives of Generation Y³. Among them one can mention: high flexibility, low loyalty towards the employer, readiness for teamwork or self-confidence based on high self-esteem (Chester, 2006). Obviously, this is a certain model, an ideal type, and its presence in the vast circulation is an effect of not only observation but also marketing activities and journalists' articles. The category of "Generation Y" is many a time a topic addressed to vast target audience of publications. The name "Generation Y" itself has come to the social awareness as a result of an article published in an American weekly magazine entitled "Advertising Age" at the beginning of the '90s. It took place in 1992 or 1993 (Wrzesień, 2009).

In the aforementioned article from the weekly magazine "Advertising Age" it was stated that the generation of Millennials consists of people born in the

* **Michał Dobrołowicz** –PhD Student, Instytut Socjologii, University of Warsaw.

Interests: sociology of work, economic sociology, generations on the job market, segmentation of job market in practice.

E-mail: m.dobrowicz@is.uw.edu.pl

³ Conclusions presented in this part of the article come from the unpublished Bachelor thesis "The attitude towards job of representatives of Generation X and Generation Y. The confrontation of the theory and reality" (thesis supervisor: dr Piotr Ostrowski, Sociology Institute, University of Warsaw) and from the paper "Is there Generation Y in Poland? On the basis of sociology research and the analysis of existing data" (January 2014, the conference "The category of generation in historic, culture and social studies. Methodological problems and examples of interpretative practice" held at the Wrocław Medical University).

years 1984-1994. However, according to theorists who distinguish Generation X, which precedes Generation Y, people who were born in 1983 should also be included there. These classifications are, obviously, agreed on. For the purpose of this article, the author assumes that the generation of interest is the one consisting of people born at the beginning of the '80s and at the turn of decades and the moment when Generation Y started is the year 1983.

Ulrich Beck states that nowadays people "have been liberated from the forms of industrial society – class, family, position indicated by sex" (Beck, 2004, p. 113). This way of thinking is also important for the popularity of the category of generation. While examining features ascribed to Generation Y and vast sociological literature which explains some of them, the thesis may be proposed that establishing such categories as Generation X, Millennials, Generation Z or Generation C (Tapia) says more about socio-economic conditions in which those generations grew up rather than about people who belong to those generations.

DESCRIPTION OF GENERATION Y

While describing Generation Y, I refer to two sociological conceptions. The first one comes from economic sociology and it is called *homo economicus*.

A model representative of Generation Y is a man who approaches the life reasonably and is guided by calculations while having ordered preferences (Morawski, 2001). It results in consequences visible in occupational life. People from Generation Y are constantly looking for a "better place" for themselves, perceiving it through the prism of money (salary) and their well-being at work or the possibilities of self-fulfillment. It is also highlighted that the representatives of this generation receive many stimuli and in this case they are similar to the inhabitants of big cities who were described by George Simmel (Simmel, 2005). The stimuli are mostly media and computer games which accompanied the youth of this generation. It is also assumed that due to computer games, representatives of Generation Y expect regular and frequent feedback on what they engage in.

Among Polish research on Generation Y the work of Witold Wrzesień entitled "European searchers. Impressions about contemporary generation of Polish youth" should be mentioned. The author, while writing about Polish equivalent of the western Generation Y, claims that this is a generation which "lives everyday lives and the future of their days" (Wrzesień, 2009, p. 49). It is emphasized that the representatives of this generation anticipate what is going to happen and try to adapt to new situations. This motif is also present in articles, publicists' comments, research reports (for instance: a project from the year 2013 "Brought up in the net" which contains information about how the representatives of Generation Y use the Internet and what their life values are or what they think about the idea of Generation Y) or conferences and debates (for

example the meeting organized in March 2012 entitled “Generation Y – a chance or a conflict”).

In conclusion, it should be stated that the representatives of the social group named Polish Generation Y are young workers who either enter the job market or already work but only for a few years. While assuming that the year 1983 is the year when this Generation begins (Andrałójć, Ławrynowicz, 2012, p. 48), the oldest representatives thereof were about 30 years old in 2014. The main research question of this article is whether the features based on theoretical model which are ascribed to this Generation are in line with real-life practices of representatives of this Generation, and, if so, to what extent.

MOBILE ? FULL OF OPTIMISM? GENERATION Y IN POLAND

In the light of theories about the functioning of Generation Y on the job market, the data I paid attention to concerns: the hierarchy of life values (and the position of money and family life in this hierarchy), offered readiness for mobility (mostly occupational mobility) and expectations from work which were formulated. The most important conclusions are the following:

Money is an important value for Polish Generation Y, but not the most important one. According to the data derived from the research Social Diagnosis 2011, the representatives of Generation Y more often than the representatives of Generation X indicate “money” as a meaningful life value (Generation Y – 39,2%, Generation X – 29,4%).

Representatives of Generation Y are mobile. Among the representatives of Generation Y the stability of employment is less important than for the representatives of Generation X (Generation Y – 41%, Generation X – 51%, on the basis of the Social Diagnosis). This corroborates preliminary intuitions about bigger tendency of Generation X to be mobile and justifies labelling them as typical representatives of flexible working hours.

Among representatives of Generation Y it may be observed that the attitude towards work is both instrumental and autotelic. Data obtained from World Values Survey shows that the representatives of the older generation more often expect both work without risk (39,6% - Generation X, 26,89% - Generation Y) and working with people who they like (36,6% – Generation X, 28,2% – Generation Y). Furthermore, for them more important is doing important (meaningful, purposeful) work (38,4% – Generation X, 28,4% - Generation Y). These results are juxtaposed with the report published in 2010 by Deloitte company “Are students and alumni ready to make their first move on the job market”.

WHY ANOMIE? SITUATION OF YOUNG POLISH WORKERS VS THE CRISIS

After familiarizing oneself with the general image of Polish Generation Y (it is a kind of bird's-eye view) I wish to present the way of thinking about behaviors of its representatives which employs the classic sociological theory of Robert K. Merton described in "Sociological theory and social structure". This theory is particularly valuable as a basis of understanding difficult (in economic dimension) situation of young generation.

The anomie tension (described by Merton) between culturally defined goals and institutionalized ways of achieving them may be considered on the example of contemporary situation of young people, especially alumni of universities in Poland. After graduating from the universities (which, as I assume, is connected with patience, diligence) and taking advantage of "the allowed way of achieving a goal" (Merton, 1982, p. 199), they do not achieve this goal, named by Merton "a thing worth endeavors" (Merton, 1982, p. 199). They do not accomplish their intention described as "power and money" and, what is more, as it is shown by media publications⁴, they often do not even increase their economic ambitions. This is the description of a situation of anomie, in Merton's understanding, which can be the starting point for research on what actions are taken up by young workers while faced with such conditions.

This situation can also be considered from a wider perspective. In economic sociology the category of work norms is often used. Job market researchers usually indicate two norms: the norm of work as a duty and the norm of work inclusion. The first one is understood as "a duty of a member of society to work for it" (Kozek, 2013, p. 61). It emphasizes the actions of particular citizens-workers whose task is to do their work well and make it as easy to be done and accepted as possible. The work inclusion norm emphasizes duties of society and the institution of educational system towards individuals who work or would like to work. In order to determine which norm prevails in Polish society, economic sociologists use the data gathered in an international project MOW (the Meaning of Working). As it is written by Wiesława Kozek, "Polish part was characterized by relatively high level of declarative acceptance of both norms, but, at the same time, the inclusion norm seemed to be a bit stronger than the duty norm" (Kozek, 2013, p. 60).

I wish to propose a thesis according to which the situation of anomie of young Polish workers also stems from incapacity of fulfilling one or both of the aforementioned norms. While writing about young people in Poland (the representatives of Polish Generation Y) the problem of the high unemployment level is often indicated; according to the data from the end of 2011, there were more than 180 000 alumni registered in the employment office, while the year

⁴ Examples a reader can find in References.

before there were less than 170 000 (Kozek, 2013, p. 65). The majority of researchers of Polish job market agree that the unemployment of elderly people (often long-lasting unemployment) is a smaller problem (as far as the scale is concerned) than the unemployment of the young generation.

The fact of high unemployment level among alumni is a situation of anomie when there is a high norm of work as a duty. A young person would like to get a job in order to fulfill the duty of work for other people from the society. In such case the anomie situation stems from the fact that this intention cannot be fulfilled because of the unemployment and the lack of places in which this intention could be accomplished. On the other hand, the problem can be reformulated and there can be found situations in which the “anomie situations” proposed by Merton take place on the verge of goals imposed by the inclusion norm and this what is found by university alumni who enter the job market.

One of the elements which accompanies the work inclusion norm is faith in the educational system. This faith is accompanied by expectations that this system will prepare each young person for a good job if this person happens to make an effort to learn (Kozek, 2013, p. 60). Polish alumni of numerous majors (those who received good diploma marks included) also realize that in spite of having formal attestations of qualifications (diplomas, licenses, various course certificates) are not guaranteed a good job by the system (in accordance with the inclusion norm, the reason for the problem is the way the system works).

The examples of anomie situations may also be found on the micro level, in everyday functioning of workers in the job environment. Such observations may be qualified as “microscopic images of social macrocosm” (Merton, 1982, p. 201). Merton indicated situations which can be described as those bearing the potential of anomie while writing about competitors who take part in competitions, for whom the success is interpreted rather as “winning the game” and not winning in accordance with the game rules.

The direction in which these analyses can further develop may be focusing on the types of individual adaptation of young workers to the situation on the job market they meet. The ways which seem to be valid here are: conformism, innovation, ritualism, withdrawal and rebellion. The most interesting seem to be finding the practices (types of reactions, answers, strategies) which young workers manifest while facing such occupational situations (for instance when they are not able to fulfill the norm of work as a duty). Among them, there are probably conformists as well as innovators (who find new (using Merton’s terminology) culture goals, who replace the urge for earning big money with striving for self-fulfillment) or ritualists (who lower the level of their social expectations to “the level on which an individual’s aspirations may be fulfilled” (Merton, 1982, p. 214) or lower the urge for “standing out in the World” and go to the university only to get a diploma and meet expectations but do not assume that getting a diploma will be meaningful for their future plans and aspirations.

Moreover, they do not expect that a diploma will help them in building their position in the world or provide them with an occupational advantage.

Ideas and categories indicated by me constitute the proposal of a research and analysis of the strategies of young people on the job market. I hope that in reference to the theory proposed by Robert K. Merton and to the image of Polish Generation Y which emerges from the data, this is a proposal which may provide an interesting and meaningful description of young generation of Polish workers.

It could be a theme of huge sociological research with using IDI (Individual in Depth Interview) with diagnostic elements with young people who represent Generation Y about their strategies on the job market (connected with desk research about behavior of young workers in their first worksites). To my way of thinking current popularity (primarily in mass media) of headwords as *generation Y* or *precariat* causes more systematic and scientific reflection about problems connected to existence young people on the contemporary job market.

BIBLIOGRAPHY

- Andrałojć, M., Ławrynowicz, M. (2012). Elastyczny system wynagrodzeń w motywowaniu pokolenia . W: Zarządzanie zasobami ludzkimi. (nr 5 (88)/2012). Warszawa: IPISS.
- Beck, U. (2004), Społeczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.
- Bożykowski, M., Jasiński, M., Styczeń, M., Zając, T. (2014). Historia edukacyjna i zawodowa absolwentów na podstawie istniejących baz danych. Warszawa: Instytut Badań Edukacyjnych.
- Chester, E. (2006). Młodzi w pracy. Jak zadbać o pracowników z pokolenia Y. Gliwice: Wydawnictwo Helion.
- Chomczyński, P. (2012). Hasło Triangulacja. W: Konecki K. T., Chomczyński P. (red.), Słownik socjologii jakościowej. Warszawa: Wydawnictwo Difin.
- Merton, R.K. (1982). Teoria socjologiczna i struktura społeczna, transl. Jerzy Wertenstein-Żuławski i Ewa Morawska, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Morawski, W. (2001), Socjologia ekonomiczna. Problemy. Teoria. Empiria. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Simmel, G. (2005). Mentalność mieszkańców wielkich miast. W: Socjologia. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Tapia, A. Content, Web Content, Content Generation, Pozyskano z: <http://freelancewrite.about.com/od/glossary/g/content.htm> [pobrano: 4.1.2015].
- Kozek, W. (2013). Rynek pracy. Perspektywa instytucjonalna [Job market. Institutional perspective], Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Wrzesień, W. (2009). Europejscy poszukiwacze. Impresje na temat współczesnego pokolenia polskiej młodzieży [European searchers. Impressions about the contemporary generation of Polish youth], Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

REPORTS

Report from the research „Czy studenci i absolwenci są gotowi stawiać pierwsze kroki na rynku pracy” [Are students and alumni ready to make their first move on the job market]. Pozyskano z: http://inwestycje.pl/resources/Attachment/2010/05_19/file7168.pl

The statement from the research of CBOS. (2011). Polak w pracy, czyli o uczciwości, sumienności i asertywności w życiu zawodowym [Pole at work – about honesty, conscientiousness and self-assertion in professional life], Warszawa.

Styrna, B. (2012) Za depeszą Polskiej Agencji Prasowej (according to a report of Polish Press Agency). Pozyskano z: <http://www.rm24.pl/ekonomia/news-tyle-chce-zarabiac-mlody-polak-po-studiach,nId,718764> [pobrano 28.05.2015].

Матэуш Камёнка*
Радослав Маженцки*

УБЕЖДЕНЫ, НО НЕДОВОЛЬНЫ: МОЛОДЕЖЬ ПОЛЬШИ ОБ ИДЕЕ ДЕМОКРАТИИ

Авторы статьи описывают такой важный аспект политической культуры современной польской молодёжи, как отношение к демократической политической системе. Качество демократии будущего в значительной степени определяется интеллектуальным и нравственным уровням молодых людей, который формируется со стороны политической элиты, средств массовой информации, школ и университетов, а также родителей. В статье освещено проблему в двух аспектах: 1) демократия как общественная ценность; 2) способ функционирования демократии. Кроме этого, представлены соответствующие данные из анкетных исследований среди польских студентов.

Ключевые слова: молодёжь, демократия, ценности, политическая система, трансформация.

Authors of the article describe the important aspect of the political culture of modern Polish youth student attitudes to a democratic political system. The main assumption is that the quality of democracy in future largely depends on the attitudes of young people, which are shaped today: by the political elite, mass media, schools and universities, as well as parents. The authors investigate the problem in two dimensions: (1) democracy as a value, and (2) the manner of functioning of democracy. The article presents data from a survey that was made among Polish students.

Keywords: youth, democracy, values, political system, transformation.

ТРУДНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Консолидацию демократической общественной системы следует воспринимать как явление процессуального характера, предполагающее не только инициирование определенных изменений, но и, в первую очередь, их контроль во времени. Поэтому требуется принятие исходных

***Матэуш Камёнка** – докторант, преподаватель Института политологии, Краковский педагогический университет.

Исследовательские интересы: современное общество, политическая система и польско-украинские взаимоотношения.

E-mail: kamionka@meta.ua

***Радослав Маженцки** – политолог и социолог Института политологии, Краковский педагогический университет.

Исследовательские интересы: молодёжь в политических процессах, политическая культура, гражданское общество.

E-mail: ip.marzecki@gmail.com

предпосылок, которые для политической элиты, а уж тем более для обществ многих стран Центральной и Восточной Европы, в конце 80-х и 90-х годов XX века вовсе не являлись очевидными. Во-первых, необходимо осознать, что изменения будут многомерными, как количественными, так и качественными. Сэмюэль Хантингтон подчеркивает, что "весь процесс демократизации (...), как правило, очень сложный и длительный, охватывает упадок недемократической системы, инаугурацию системы демократической, а в последствии – её консолидацию" (Huntington, 1995, с. 19). Демократизация не ограничивается только одним аспектом функционирования государства, а охватывает также к другие, не менее важные сферы: политику, экономику, культуру. Необходимость процесса демократизации определяется все возрастающей потребностью в инновациях во всех перечисленных измерениях. Как утверждает Клаус Оффе, в этом драматическом периоде чаще всего встречаются три наиболее существенные проблемы:

- территориальный вопрос, касающийся определения государственных границ для конкретного народа в соответствии с европейским порядком;
- устранение монополистических претензий доминирующей партии на конституционно гарантированную власть, а также соперничества между партиями в контексте обеспечения прав личности;
- вопросы экономики и частной собственности (Offe, 2004, с. 508).

Во-вторых, любые изменения требуют времени. Стоит подчеркнуть, что анализ процессов демократизации включает два аспекта. С одной стороны, он предполагает внедрение новых правил (проектирование конкретных институций, а также юридических норм), с другой – необходимо исследовать эффекты этих нововведений, которые обнаружатся с течением времени и приведут после периода ожидания или к положительным результатам внедренных изменений, или к общественному протесту. Кроме того, общественный контроль за некоторыми идеологическими процессами возможен и эффективен, но за другими – ограничен. Современные польские исследователи в работе *Поколение-89. Аксиология и активность молодых поляков* отмечают трудности демократических преобразований: "Несмотря на то, что трансформацию политической системы удалось осуществить относительно легко (учитывая процедурно-институционные реформы) благодаря реализации соответствующего числа юридических актов, основной проблемой оказалось изменение общественного сознания, поскольку оно требовало прежде всего времени" (Guzik, Marzcki, Stach, 2015, с. 41).

В-третьих, как это ни парадоксально, ограниченные временные рамки затрудняют процесс демократических изменений. Дилемма, возникающая

перед политическими лидерами начала 90-х годов XX в. в посткоммунистических государствах, была связана с необходимостью длительного воплощения нововведений в экономической, политической, общественной, культурной и многих других сферах жизни, которые в свою очередь предполагали быстрые, энергичные решительные инновации консервативного традиционного образа мышления осуществляющих эти нововведения. Фактором, представляющим потенциальную угрозу демократии, являлся (и является!) взрыв общественного недовольства, вызванного: 1) состоянием разочарованности в результатах изменений, не оправдавших социальных ожиданий; 2) возмущением населения фактами кричащей общественной несправедливости, неизбежно сопровождающими любые радикальные преобразования. Оффе обращает внимание на временный характер процессов политической модернизации, требующей огромного терпения, доверия и оптимизма – как со стороны политической элиты, так и со стороны среднестатистического гражданина (Offe, 2004, с. 521).

ЦЕННОСТИ И ДЕЙСТВИЯ

Успешная общественная трансформация включает достижение прогнозируемых эффектов в таких сферах: 1) политической (переход к демократической системе); 2) экономической (утверждение рыночной экономики в противовес централизованной плановой); 3) культурной или социальной (всеобщее признание новых норм и правил). Целью социальных преобразований провозглашается консолидация новой (демократической, гражданской) политической культуры, важнейшим элементом которой является легитимизация. Давид Бифем определяет легитимизацию власти как первоочередное осуществление трех её основополагающих принципов:

- власть провозглашается и применяется согласно принятым государственным законам;
- методы государственного управления одобряются и принимаются как политическими лидерами, так и рядовыми гражданами;
- решения политической элиты активно поддерживаются всеми членами общества (Beetham, 1995, с. 288-289).

Яцек Василевский, подтверждая вышеупомянутый тезис отмечает: "Демократия консолидирована, когда соответственно функционируют все демократические институты, когда политическая элита принимает основные правила политической игры, когда граждане убеждены (учитывая негативный опыт действующего правительства), что демократия является наилучшей формой политической организации общества" (Wasilewski, 2005, с. 52). В свою очередь, исследователи Хуан Линц и Альфред Степан подчеркивают специфическое измерение человеческого

фактора, неотделимого от демократизации общества. Они приходят к выводу о том, что "демократическая система консолидирована, когда большинство членов общества твёрдо убеждены: а) демократические процедуры и учреждения – наиболее целесообразны и эффективны для управления общественной жизнью; б) поддержка недемократических альтернатив незначительна либо в какой-то степени изолирована продемократическими силами" (Linz, Stepan, 1996, с. 6).

Таким образом, ценность и преимущества демократии должны обязательно осознаваться правящей элитой и рядовыми членами общества, а также публично подтверждаться их конкретными действиями.

БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ

Размышляя о перспективах демократии, нужно учитывать, что она функционирует благодаря общественно-политическим соглашениям и в значительной степени зависит от общественной воли. В этом смысле объединение всех демократических сил представляет непрерывный процесс, подверженный постоянным изменениям. Хуан Линц отмечает, что так называемый масштабный возврат к антидемократии скорее всего не произойдет, хотя нельзя игнорировать возможность неизбежных отступлений от процесса демократизации (Linz, 2005, с. 374). Демократия как политическая система естественно предполагает ее качественное дифференцирование. Практически означает, что "любая истинная демократия (...) должна гарантировать основные свободы, но скорее всего, диапазон свобод и прав, предоставленных гражданам, в значительной степени будет отличаться" (Linz, 2005, с. 374). Исходя из этого, каждую модель демократии можно постоянно совершенствовать. Но, с другой стороны, демократия является единственной политической системой, которой присущ внутренний, незаметный, на первый взгляд, так называемый "механизм самоуничтожения". Поэтому чрезвычайно важно пристально анализировать её политические и общественные последствия на международной и с внутри каждой отдельной страны.

Йорг Форбриг подчеркивает, что легитимизация демократии держится на индивидуальном восприятии, а также личностных убеждениях, ценностях, навыках и знаниях граждан. Это, в свою очередь, способствует политической социализации. Ричард Синнотт и Пэт Лайонс приходят к подобным выводам. На ранних этапах жизни люди приобретают навыки политической активности либо пассивности, которые определяют их гражданскую позицию (Kovacheva, 2005, с. 22; Mannheim, 1952). Таким образом, качество политической социализации сегодня обуславливает качество демократии в будущем (Forbrig, 2005, с. 14). Первый опыт взаимодействия молодежи с демократической системой нередко оказывается негативным, вызывая его разочарование демократией (Plutzer, 2002).

Демократические перспективы любого государства определяются политической культурой его молодёжи. В большинстве случаев это люди, которые в силу своего юного не представляют себе жизни в условиях недемократического общества. А свои политические взгляды они сформировали в антитоталитарном государстве с новой рыночной экономикой, подверженной постоянным изменениям. Молодых людей, рожденных на рубеже 80 – 90 годов XX в., не случайно называют *поколением изменений* (Długosz, 2008). Другие ученые используют определение *дрейфующее поколение*, подчеркивая, с одной стороны, нестабильный характер современного мира, лишённого гуманистических ориентиров, ценностей и авторитетов (Beck, 2002; Coote, 1998, с. 124), а с другой – естественную потребность в следовании за так называемыми "проводниками", общественными лидерами, формирующими у молодых людей навыки гражданского поведения (Guzik, Marzcki, Stach, 2015, с. 202-203). Таких ярких личностей, к сожалению, очень мало. Политические элиты сконцентрированы на спорах о характере аксиологии, что способствуют пропаганде культуры недоверия в обществе. Средства массовой информации (СМИ) в условиях современного коммерческого рынка рекламируют необходимость и привлекательность предлагаемой духовной продукции, создавая так называемую "видеополитику", способствуя персонализации или эмоционализации медиаинформации (Sartori, 2007, с. 38). А учебные учреждения (в т.ч. и вузы), давно утратили свой былой авторитет в сфере формирования гражданских позиций школьников и студентов.

Юноши и девушки – ровесники молодой польской демократии – воспитывались в обществе, граждане которого все еще помнят условия жизни в недемократическом государстве. Эти условия способствовали своеобразной адаптации к существующей политической системе, формируя у населения навыки антидемократического поведения (например, коррупции, игнорирования закона и др.). К сожалению, многие из них передаются и подсознательно принимаются молодым поколением. Это явление объясняет гипотеза социализации, сформулированная Рональдом Инглхартом: новое поколение не создает абсолютно новую общественную реальность. Каждое последующее поколение, воспитанное в новых (по сравнению с предыдущими) условиях, просто вносит в социально-общественное пространство отдельные новые нормы и способы восприятия современной ему жизни (Inglehart, Welzel, 2005, с. 98). В этом смысле одинаково важны условия социализации молодежи и личности тех, кто её социализирует. Насколько последние являются авторитетом? В какой мере они услышаны молодежью? Какие подают примеры?

Кстати, молодое поколение в Польше одновременно является и объектом, и субъектом демократических изменений, прежде всего,

в культурной сфере (норм, правил и ценностей, определяющих нашу жизнь). Как утверждает Инглхарт, смена поколений всегда связана с ускорением изменений в нормативной сфере. Эта закономерность была сформулирована в конце 60-х и 70-х годов XIX в. в Западной Европе. Аналогичный механизм функционирует сегодня в посткоммунистических странах, где поколение, которое социализируется в новых условиях, приобретает навыки публичных выступлений, голосования и т.д. Именно молодёжь сегодня провозглашает так называемые постматериалистические ценности, т.е. светско-рациональные, связанные с автоэкспрессией, а именно: 1) доверие власти к гражданам; 2) доверие на межличностном уровне; 3) принятие правительственных решений с учетом общественного мнения; 4) гражданские права и свободы (например, свобода слова, права женщин, права меньшинств); 5) эстетические ценности; 6) удовлетворенность жизнью; 7) самореализация. И хотя перечисленные ценности не воспринимаются всеми молодыми людьми, однако значительный процент постматериалистов не позволяет себе игнорировать их. Как считают авторы работы *Поколение-89*, "(...) признание таких ценностей – (на что указывают мировые и европейские тренды) будет безусловно увеличиваться, и в связи с тем, что молодое поколение со временем начнет вытеснять старшее, такое нормативное изменение приведет к ряду переоценок в политике (политического дискурса, или структуры партийных систем)" (Guzik, Marzkeki, Stach 2015, с. 91).

Таблица 1. Акцептация материалистических/ постматериалистических ценностей среди современных молодых поляков (%)

Первое измерение	
Материалисты	70
Постматериалисты	22
Другое измерение	
Материалисты	62
Постматериалисты	28
Третье измерение	
Материалисты	70
Постматериалисты	21

Источник : Guzik, Marzkeki, Stach 2015, 91.

Молодые люди по сравнению со старшим поколением совершенно по-другому воспринимают свободу и демократию: не в качестве отвоеванных ценностей, а как привычные, абсолютно повседневные категории, являющиеся атрибутом сегодняшней реальности. Именно поэтому демократию не следует считать "(...) каким то неизбежным, присущим капитализму этическим императивом общественной эволюции, поскольку её сохранение требует постоянных усилий" (Schmitter, 2005, с. 13).

ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИИ

Общественные изменения в сфере ценностей связаны с ослаблением иерархических авторитетов, которые, как утверждает Рональд Инглеарт, "из поколения в поколение формировали промышленные государства". Все более очевидным является снижение общественного доверия не только к ключевым правительственным учреждениям (парламент, полиция, гражданская служба и вооруженные силы), но и к политическим партиям, костелам, системе образования и прессе (Inglehart, 1999, с. 250-251). Несмотря на это, общественные тенденции не противодействуют поддержке демократии. Инглеарт утверждает: "Общество, становясь все более критическим по отношению к иерархическим авторитетам, становится также более стойким к авторитарным правительствам, максимально заинтересованным политической жизнью и активным участием в ней. Хотя иерархически организованные партии теряют контроль над своим электоратом, такие целенаправленные на элиты формы партиципации, как голосование, переживают стагнацию или упадок, превращаясь в повсеместную проблему для политиков" (Inglehart, 1999, с. 236). Инглеарт предлагает также новый взгляд на современную демократию. Современные культурные инновации способствуют активному участию граждан в неконвенциональных формах политической жизни (Inglehart, 1999, с. 242), а также "(...) создают атмосферу доверия и толерантности, в которой люди признают относительно высокую ценность свободы индивидуума и автоэкспрессии, проявляя все более возрастающую политическую активность" (Inglehart, 2010, с. 290). Все перечисленные факторы и составляют сущность демократии. Именно молодое поколение инициирует новые общественные городские движения, общественно-политические альтернативы (Sobolewska-Мӳlik, Kasproicz, 2014). С другой стороны, такая модель молодёжной активности бросает вызов политической элите, вынужденной считаться с тем, что современное гражданское общество является все более критичным и сознательным.

На сколько демократический характер власти важен для польской молодёжи? Анализ данных, собранных в ходе опроса польских студентов, подтверждает восприятие ими демократии как сильно легитимизируемой политической системы. Подавляющее большинство респондентов – 90% желают видеть Польшу страной, управляемой демократическим способом (таблица 2). Для 65% опрошиваемых это "очень важно". Маргинальное место занимают респонденты, не осознающие ценности демократии (в сумме 4%).

Таблица 2. Демократия как ценность для польской молодёжи(%)

На сколько для Вас важно, чтобы страна, в которой Вы проживаете руководствовалась демократическими принципами?		
Очень важно	65	90
Скорее всего, важно	25	
Скорее всего, не важно	2	4
Вообще не важно	2	
Трудно сказать	6	

Источник : Guzik, Marzcki, Stach 2015, 94.

Как видим, для большинства молодых поляков демократия является единственной положительно оцениваемой альтернативой государственного устройства. Кроме того, на уровне ценностей оценивается скорее положительно, чем отрицательно (таблица 3). 60% респондентов отождествляют её прежде всего со "свободой человека", а не "беспорядком и хаосом". Следует также отметить достаточно высокий процент опрошенных, затруднившихся сформулировать собственное мнение по этому вопросу.

Таблица 3. Демократия как ценность для польской молодёжи(%)

Демократия – это прежде всего балаган и хаос	13
Демократия – это прежде всего свобода человека	60
Трудно сказать	27

Источник : Guzik, Marzcki, Stach 2015, 95.

Несмотря на то, что демократическая система была в основном акцептирована молодым поколением, в его мировоззрении присутствует также критицизм, касающийся способов функционирования первой. Можно также сделать вывод, что молодые поляки в значительной мере разочарованы своим первым опытом взаимодействия с демократическими структурами, невзирая на осознание их высокой ценности.

ЗАДАЧИ ДЛЯ ЭЛИТЫ

Отношение к демократии нуждается в более подробном анализе не удовлетворяясь поверхностной общей оценкой демократической системы. Легитимизация политической системы зависит от способа ее функционирования, уровня эффективности и результативности (Linz, 1998). Если в течении длительного времени она не справляется с решением основных проблем, общественная поддержка и убеждение в превосходстве демократических ценностей слабеют. Это влечет за собой политическую нестабильность и угрозу отступления от принципов демократии. Следует особо подчеркнуть, что приоритет в просвещении общества относительно

демократических ценностей принадлежит политической элите.

Поддерживать демократию не означает подавлять всяческие проявления недовольства по поводу того, как она работает. Легитимизация не предполагает доминирования политической корректности, не допускающей критики действующей системы, её отдельных институций или "политических актеров" (партий и их лидеров). Данные, полученные во время опроса студентов, показывают, что неудовлетворенность функционированием демократии в Польше выразили 47% респондентов (таблица 4).

Таблица 4. Мнения молодых поляков о функционировании демократии в Польше(%)

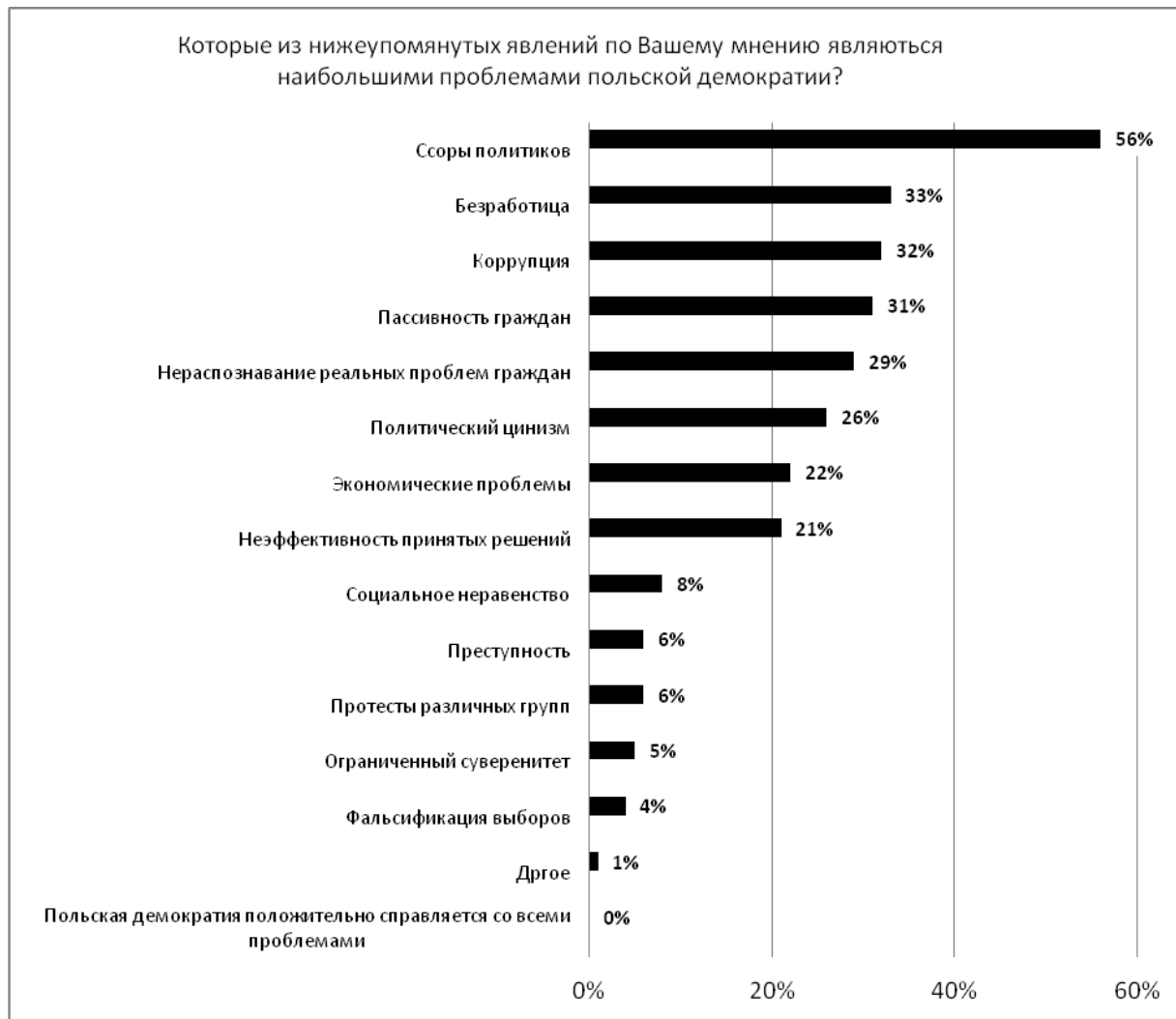
В общих чертах довольны ли Вы способом, в который функционирует демократия в нашей стране?		
Решительно да	1	38
Скорее всего, да	37	
Скорее всего, нет	36	47
Решительно нет	11	
Трудно сказать	15	

Источник : Guzik, Marzcki, Stach 2015, 96.

Критика, не вызывающая сомнения в ценности демократии, вполне функциональна, поскольку является элементом демократического принципа "check and balance". Различные институции (оппозиция, средства массовой информации), а также сообщества, общественные движения и т.д. должны выполнять функцию контроля политической власти. Их задачей является постоянный контроль политической элиты, в результате чего применять реальную власть становится все труднее (Inglehart, 1999, с. 255). Радослав Мажецки в связи с этим подчеркивает: "Изменения постматериалистических ценностей вызывают появление новых, более требовательных критериев оценки политической жизни и противостояния политическим лидерам более активных и красноречивых граждан" (Marzcki, 2013, с. 65).

И в заключении необходимо на основании анализа полученной в ходе опроса информации сделать конструктивные выводы. Для этого нужно определить какие именно элементы демократической системы провоцируют наибольшее недовольство молодых людей. Оказывается, что наибольшей проблемой польской демократии студенты считают "ссоры политиков" (Рисунок 1).

Рисунок 1. Мнение молодежи об главных проблемах польской демократии

Источник : Guzik, Marzcki, Stach 2015, 98.

Политиков часто обвиняют в том, что они не замечают реальных проблем граждан. Такие взгляды на процесс функционирования польской демократии молодое поколение проявляет достаточно часто. Например, на вопрос "По Вашему мнению, достаточно ли представлены в публичных дебатах интересы и проблемы молодых людей?" 81% респондентов ответили негативно (Guzik, Marzcki, Stach, 2015, с. 30).

ВЫВОДЫ

Современная польская молодёжь признает демократию как общественную ценность, но в то же время разочарована тем, как она функционирует, прежде всего, в сфере защиты их прав и интересов. Нельзя недооценивать такое положение вещей. Граждане, высказывающие конструктивную критику, необходимы современной демократии.

Сегодняшние культурные изменения (нормативные) в обществах посткоммунистических государств создают благоприятный климат для отдельных лиц и групп, задействованных в демократических трансформациях общества. Очевидно, не все граждане демократического государства заинтересованы общественной деятельностью. Однако важно, чтобы политические лидеры добились понимания и активной поддержки со стороны населения конкретных начинаний, поскольку залогом процветания демократического общества является массовое – хоть и спонтанное – участие граждан в его управлении. Молодые люди сегодня особо нуждаются в позитивных лидерах, которые привьют в них – с одной стороны – чувство достоинства участия в жизни общества, а с другой – чувство эффективности. Речь идет о людях, которые умеют мобилизовывать других в интересах какой-то идеи. Политики должны учитывать запросы нового поколения, которое с течением времени все больше будет ценить качества демократии. Респонденты, отвечая на вопрос о мотивации молодых граждан к активному участию в политической жизни, чаще всего указывают на необходимость изменения подхода к их проблемам, мнениям и интересам со стороны политических элит. Для молодых поляков очень важно, чтобы партийные лидеры обращали пристальное внимание на их проблемы, предлагали реальные способы решения этих проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Beck, U. (2002). *Spółeczeństwo ryzyka. W drodze do innej nowoczesności*. Warszawa: Scholar.
- Beetham, D. (1995). *Legitymizacja władzy*. W: J. Szczupaczyński J. (wyb. i oprac.), *Władza i społeczeństwo. Antologia tekstów z zakresu socjologii polityki*. Warszawa: Scholar.
- Coote, A. (1998). *Risk and Public Policy: Towards a High-Trust Democracy*. W: J. Franklin (red.), *The Politics of Risk Society*. Cambridge: Institute for Public Policy Research.
- Długosz, P. (2008). *Trauma wielkiej zmiany na Podkarpaciu*. Kraków: Nomos.
- Forbrig, J. (2005). *Introduction: Democratic Politics, Legitimacy and Youth Participation*. W: J. Forbrig (red.), *Revisiting Youth Political Participation: Challenges for Research and Democratic Practice in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Guzik, A., Marzęcki, R., Stach, Ł. (2015). *Pokolenie '89. Aksjologia i aktywność młodych Polaków*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie.
- Huntington, S. (1995). *Trzecia fala demokratyzacji*. Warszawa: PWN.
- Inglehart, R. (1999). *Postmodernization Erodes Respect for Authority, But Increases Support for Democracy*. W: P. Norris (red.), *Critical Citizens, Global Support for Democratic Governance*, Oxford:.
- Inglehart, R. (2010). *Wartości postmaterialne oraz przejście od wartości związanych z przetrwaniem do wartości związanych z wyrażaniem własnego "ja"*. W: R.J. Dalton, H-D. Klingemann (red.), *Zachowania polityczne, t. I*, Warszawa:.
- Inglehart, R., Welzel, Ch. (2005). *Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence*, New York:.

Kovacheva, S. (2005). Will Youth Rejuvenate the Patterns of Political Participation? W: J. Forbrig (red.), *Revisiting Youth Political Participation: Challenges for Research and Democratic Practice in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Linz, J. (1998). Kryzys, załamanie i powrót do równowagi. W: J. Szczupaczyński J. (wyb. i oprac.), *Władza i społeczeństwo 2. Antologia tekstów z zakresu socjologii polityki*. Warszawa: Scholar.

Linz, J.J. (2005). Kilka myśli o zwycięstwie i przyszłości demokracji. W: P. Śpiewak (red.), *Przyszłość demokracji*. Warszawa: Fundacja Aletheia.

Linz, J.J., Stepan, A.C. (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-communist Europe*. Baltimore: John Hopkins University Press.

Mannheim, K. (1952). *The Problem of Generations*. W: P. Kecskemeti (red.), *Essays on the Sociology of Knowledge*. London: Routledge and Kegan Paul.

Marzęcki, R. (2013). *Młody obywatel we współczesnej demokracji europejskiej*. Warszawa: Elipsa.

Offe, C. (2004). Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe. „*Social Research*”, 71(3), 501-528.

Plutzer, E. (2002). Becoming a Habitual Voter: Inertia, Resources, and Growth in Young Adulthood. „*American Political Science Review*”, 96(1), 41-56.

Sartori, G. (2007). *Homo videns. Telewizja i post-myślenie*. Warszawa:.

Schmitter, Ph. (2005). *Demokracja – zagrożenia i problemy*. W: P. Śpiewak (red.), *Przyszłość demokracji*, Warszawa: Fundacja Aletheia.

Sobolewska-Myślik, K., Kasprowicz, D. (red.) (2014). *SPACE. Socio-Political Alternatives in Central Europe*. Warszawa: Elipsa.

Wasilewski, J. (2005). *Ideał demokracji i jego ułomne wcielenia*. W: U. Jakubowska, K. Skarżyńska (red.), *Demokracja w Polsce. Doświadczenie zmian*. Warszawa: Wydawnictwo Szkoły Wyższej Psychologii Społecznej „Academica”.

CONVINCED BUT DISSATISFIED.

YOUTH IN POLAND ABOUT THE IDEA OF DEMOCRACY

Mateusz Kamionka – PhD student, lecturer at the Institute of Political Science of the Pedagogical University of Cracow.

Research interests: modern society, political systems and Polish-Ukrainian relations.

E-mail: kamionka@meta.ua

Radosław Marzęcki – PhD, political scientist and sociologist at the Institute of Political Science of the Pedagogical University of Cracow.

Research interests: young people in political processes, political culture, civil society.

E-mail: ip.marzecki@gmail.com

Marcjanna Nózka*
Katarzyna Ornacka*
Marta Smagacz-Poziemska*

CHILDREN AND YOUNG PEOPLE IN THE CITY EXTRACTS FROM KRAKOW RESEARCH

This article discusses selected issues of studies on youth and childhood from the perspective of three research projects that vary in terms of subject matter and methodology. The first part of the article focuses on questions of the subjective dimension of childhood and its manifestations, taking into account such issues as the social description of the child's world from the perspective of children's philosophy of values. The second part refers to questions of teenagers and their approach to the urban space, and ways of "mapping", using and helping to create the city. Finally, the subject of social perception of young people from urban enclaves is discussed from the point of view of their inhabitants.

Keywords: *childhood, teenagers, youth, exclusion, urban space.*

INTRODUCTION

This article presents topics from three projects in order to demonstrate various research perspectives encompassing childhood and youth as developmental, cultural and social phenomena and not always obvious ones, changing according to the context, the way in which a problem is approached and its manifestation. The first results to be presented will be partial ones from the project "From sociology to social work. The social phenomenon of childhood" led by Katarzyna Ornacka, referring to the subjective dimension of childhood and its manifestations.⁵ The emphasis of this research was placed on three areas: (re)construction of images of childhood from the point of view of

***Marcjanna Nózka** – PhD, sociologist, Institute of Sociology Jagiellonian University.

Academic interests: social problems, social exclusion, sociology of space, social cognition.

E-mail: marcjanna.nozka@uj.edu.pl

***Marta Smagacz-Poziemska**–PhD, sociologist, Institute of Sociology, Jagiellonian University.

Academic interests: urban sociology, sociology of urban space, social problems, citizenship and social participation at the local level.

E-mail: marta.smagacz-poziemska@uj.edu.pl

***Katarzyna Ornacka** –PhD, sociologist, Institute of Sociology Jagiellonian University

Academic interests: sociology of childhood, social problems, children of "vulnerable identity" in social work, evaluation in applied sociology and social work.

E-mail: katarzyna.ornacka@uj.edu.pl

⁵Project financed by the Polish Ministry of Science and Higher Education, No. N N116 013339.

the child as expert and taking into account the idea of the competent child; analysis of the specific nature of a child's relationship with adults based on the premise of a subjective approach towards partners present in a common social space; and description of the social world of the child taking into consideration the childhood philosophy of values as well as images of childhood from an adult perspective.

The next project, "Is the city unnecessary? New life spaces of young city inhabitants",⁶ headed by Marta Smagacz-Poziemska, looks at the question of teenagers and their attitude towards the urban space, distinguishing three types of space: the urban centre, place of residence and shopping arcades. How do young people "map" the city space? In what way do they make use of it (and thus co-create it)? Which spaces and places are important for them – and for what reasons? In the globalised world, do local and specific urban planning/cultural factors have an influence? Answers to these questions were sought using comparative empirical research among secondary school pupils conducted in two large cities differing in many respects: Krakow and Katowice.

In the project "The social closing of space. The influence of social exclusion on perception and cognitive schematisation of physical space and territorial behaviour of excluded people",⁷ underway since 2013 and led by Marcjanna Nózka, the problem of young people appears among others in the context of adult respondents assessing their own neighbourhood/place of residence, with young people being identified as both a "matter of concern" and a "source of threats". Among the areas where the research was carried out were urban spaces that local research identified as being particularly degraded and dangerous, and it is the statements of the inhabitants of these districts that are quoted in this article.

CHILDREN WITH AN UNUSUAL ME CONSTITUTION IN THE SOCIAL SPACE

To date, the vision of a child as an actor of social life and an active observer of it, which can be used to grasp not only the world of children's experiences encompassing diverse spaces (economic, socio-political, cultural, ethical or theological) but also the barriers and limitations associated with participation in social life, has not been a particular subject of interest for Polish sociologists. Research on children has tended to be carried out mostly by psychologists and educationalists. Exceptions are the studies and reports of Monika Sajkowska (1999), Małgorzata Jacyno and Alina Szulżycka (1999), as well as analyses resulting from the reforms to the social assistance system. As a result, a central place in the research is held by qualitative analysis of the

⁶Project financed by the National Science Centre in Poland, No. DEC-2011/01/D/HS6/00962.

⁷Project financed by the National Science Centre in Poland, No. DEC-2012/05/B/HS6/03876.

individual biographical trajectories of children with an unusual *Me* constitution, threatened by social marginalisation. This individual and at the same time social micro-world of the “small person” described by Janusz Korczak is embedded in the structure of the social world and subject to contextualisation, processes of deconstruction and reconstruction in various social discourses, as well as transformations at the macrostructural level. Citing the guidelines of Edyta Stein, which constitute an interpretative framework concerning the construction, realisation and evaluation of empirical material, we can say that a child is a Person, which means that he/she can be understood only through that in which he/she expresses him/herself, through the world which he/she brings and shows to another person. He/she is the “carrier of his/her personality”, and thus unique. In this sense, the child is also an autonomous being, meaning that no reason or justification is needed to exist or be (see Stein, 1988). It is important to complement this by analysing and reflecting on the social nature of the child as an individual subject and on the construction of an individual and social identity, which is expressed in intersubjectivity (participation), dialogue and relations with another person.

In an attempt to answer the question of what the phenomenon of childhood means, the author attempted to examine children’s world of experiences from the perspective of individual biographical trajectories, concentrating in particular on their activities as agents. She was interested above all in the degree to which children are actors in social life, have an influence on increased control over their lives and belief in their own lives and possibilities, as well as in the social spaces in which they expand their knowledge, competences and skills. At the same time, she tried to establish/recognise the mechanisms that hamper preservation and facilitate construction of good relations with adults.

The research was conducted among children, whose role was that of the main experts in defining the problem of childhood and the related determinants, and adults with a direct connection to the children through their work with or employment at educational care centres. The group of respondents aged 10-15 included 500 children attending educational care centres in Małopolska region⁸ and 593 children representing primary and secondary schools in Małopolska.⁹ Significant criteria of the sample selection were: age – the early adolescent phase; family type – multi-problem, not coping with educational care functions

⁸The children in the research group attended day support facilities (day sociotherapy centres, Friends of Children Society sociotherapy day clubs, preventive and social education centres) or resided in full-time care centres (children’s homes, family-type care homes, foster homes, emergency shelters).

⁹This group was ultimately intended to comprise 500 children, but owing to the differing numbers of pupils in the various schools and classes, 593 people in fact participated.

and institutional “affiliation”.¹⁰ The image of childhood from the point of view of children was complemented by an analysis of the statements of adults involved in social assistance and childcare representing various positions and institutions.¹¹ However, this topic will not be analysed as it does not fit the scope of this article.

In the research group of children who represented institutional forms of assistance, a total of 500 individual in-depth interviews were carried out, while 500 family drawings based on associations and 500 tests on the “How Do You Cope?” (*Jak Sobie Radzisz?* – JSR) scale and Personal Competence Scale (*Skala Kompetencji Osobistej* – SKOs) were also analysed.¹² The second, comparative research group comprised children in the same age ranges, selected at random from primary and lower secondary schools in Małopolska. The material was collected based on collective case studies and a survey technique.¹³ Analysis of it permitted identification of the mechanisms that influence the attitudes adopted by children towards adults. A total of 593 people participated in the study, completing a questionnaire containing eight open questions, and among them 500 also completed the “How Do You Cope?” scale and Personal Competence Scale. In the adult group, the material was collected using collective case studies and a survey technique. Initially, the research with the participation of this group of respondents featured 500 people – students and representatives of assistance institutions, but following initial analysis of the material, data obtained from 463 people was included in the further study. Fifteen of the 500 people were defined as family policy implementers on account of their positions in institutions, and individual in-depth interviews were conducted with them.

The methodology adopted in the research was complementary in nature, comprising both qualitative and quantitative methods and research techniques. The main tool used during the interviews with the research subjects was an interview script divided into research areas (topics), around which the subjects created their social worlds. Among many topics discussed were: childhood as social status, the child in the world of values, the child as a competent social actor, the child in relation to others – adults, the child in the context of change, the child and his/her message for adults. The areas that were explored essentially

¹⁰The selection of the group according to such criteria was deemed to influence the children’s perception of their social world. The results of the study show peculiar situations in child-adult relationships, although they must be treated with caution because of the defence strategies used by children with a so-called vulnerable identity, confirmed by the adults who work with children in educational care centres.

¹¹These adults, aged 19-51, comprised social workers, educationalists, sociologists, psychologists, tutors, managers and directors of institutions.

¹²Out of 500 completed sets, 349 JSR tests and 349 SKOs tests were used.

¹³The questionnaire tools developed using the survey technique as well as collective case studies were divided into research topics. Both tools only contained open questions.

concerned socially created and directly experienced childhood, and therefore what takes place “here and now”. The research produced extensive empirical material that demonstrates the complexity and multidimensional character of the phenomenon in question. During the analysis and interpretation it was necessary to accentuate: (a) the way in which children construct their childhood; (b) whether in this process they regard themselves as subjects of their own actions, increasing the possibility of participating in social life; (c) to what extent and in which dimensions institutions accept the perspective of the child’s subjectivity, as well as the way in which this perspective can contribute to implementation of new solutions or working methods in social assistance and childcare, including social work, in Poland.¹⁴

Apart from the philosophy of personalism, the idea of the competent child was of major significance in the adopted research perspective. This idea shows that it is not only children in relation to adults who achieve greater benefits from the meeting of their own worlds, but adults also have the opportunity to acquire skills channelled towards cognition and understanding of the mechanisms that are dominant in the reality of children. This is reflected (and confirmed) in popular experience – in a situation in which a child appears in the ordered and clearly defined adult world. As a result, adults learn new social roles, ways of solving problems, and types of responsibility, as by being present the child forces, as it were, change and development on the adults. Several main conclusions can be made from the research. Firstly, a child is a competent person and constitutes an unconditional value. He/she cannot be treated as an object or instrumental, because he/she possesses the inalienable rights inherent in human nature (subject). Childhood is a period with a value in itself, related to the process of (and need for) education and becoming oneself through participation in personal relations with others. Discovering the potential of a child and the resources permitting a balance to be regained in a family system, as well as the child’s point of view on social life, expands the range of social roles played by children, depicting “Korczak’s small person” as a competent commentator on his/her own life. This is all the more significant as the child’s perspective is frequently different from that of adults.

Secondly, children are particularly exposed to stigmatisation. It is adults who define the status of their childhood, according to their position in the social structure. This is why being a stigmatised child, with worse prospects, is connected to improper functioning of the family, which shapes the social situation of the child “here and now”. For example, in the economic sphere, children are threatened by exclusion and stigmatisation owing to the poverty of

¹⁴ Owing to the scope of this study, the institutional perspective of the child’s subjectivity and its application in social work will not be analysed. On this subject see Ornacka (2014, p. 81–96).

their family, which prevents them from satisfying their needs as well as restricting full participation in various spheres of social life (limited access to culture and education). Parents' failure to fulfil care and/or educational functions can lead to a child being placed in an educational care centre, i.e. a children's home, and children raised in dysfunctional family systems, which are often beneficiaries of social assistance, are for various reasons neglected. As a result, their social and emotional development and building of social competences are strongly disturbed.

Thirdly, children continue to be treated objectively and analysed from the perspective of the family as a household to which assistance is provided, for such reasons as poverty, orphanhood, homelessness, unemployment, violence or helplessness in matters of education and care.¹⁵ The subjects of the research include families outside of the mainstream of social life on account of the problems they experience. These may result from a low level of competence of the adults, which leads to addictions, learned helplessness, or violence. In this complex network of informal links and relationships, the child is not considered as an independent subject possessing specific resources in which human (and social) capital can be constructed and/or developed. He/she is analysed in the context and from the angle of a multi-problem family. The functioning of the child in a "marked" space leads him/her to self-stigmatise and "push him/herself" into the periphery of social life.¹⁶ The child's belief of his/her own low value, reinforced in this way, means that he/she become more susceptible to the influence(s) of adults, and consequently to this objective treatment. In addition, the narrative constructed around the child designates the limits of his/her social life and ascribes to him/her a stigmatised identity.

Fourthly, the model of children as the "Other"¹⁷ is reinforced by the representatives of social assistance institutions, who treat them as different from the rest of society owing to the threat of poverty resulting from a difficult family situation. This lasting process of treatment of children in terms of the "Other" is initiated by "non-poor" adults, and leads not only to an objective approach to children and their problems, but also to such social processes as stereotyping, stigmatisation and neutral categorisation. Adults' actions towards children (an

¹⁵A detailed list of the criteria that qualify people and families for receipt of assistance is contained in the Act on Social Assistance from 12.03.2004 – consolidated text in Dz.U. (Journal of Laws) 2013 no. 0 item 182.

¹⁶Some 73% of children aged 10-12 and 53.5% of children aged 13-15 residing in full-time care institutions displayed a low sense of their own value, a negative self-image, a low level of personal competences, and a deficit of recognition of love, respect and dignity. Among the children attending day support centres, the percentage in the corresponding age categories was lower, at 26% and 32% respectively.

¹⁷Understood as an outsider, worse; this term has a pejorative tinge, playing an excluding role.

objective view) therefore lead to limitation of childhood and loss of its unique individual, and above all subjective character.

Fifthly, the formation of a child's identity is a process that takes place in a specific social space. This process is manifested in actions and interactions undertaken, and constitutes the key to understanding the mechanisms working between an individual and society. The research shows that one of the most important spaces in which children acquire their first experiences and obtain knowledge of the world is the home.¹⁸ Paradoxically, children with a vulnerable identity are homeless on account of a lack of significant adults (e.g. orphans left in educational care centres) or disintegration in relations and emotional bonds with family members (e.g. children from families failing in parental duties, with multiple problems or incomplete). The lack of parents contributes to the child's home "moving" to the centre, while their physical presence denies the small person his/her "face", which, to use Zygmunt Bauman's term, entitles the child to be the object of ethical duty and care. The child becomes almost "cast outside the social space"¹⁹, consigned to refusal of any identity. In both situations (or cases), the sense of loneliness, weakening or severing of any mutual connection (including bonds) between people is reinforced. Children create their identity in mental and physical suffering, which in its most elementary form leads to the basis of a vulnerable identity, which brings with it the symptoms of disorders of social adaptation, personality, communication skills or intellectual competence. In the light of her analyses, Ornacka identifies "metaphorical" homelessness, which indicates the circumstances in which a child experiences homelessness and expresses a subjective sense of being a homeless person. This type of homelessness fits into the social space created by the child, shifting the emphasis towards the relational-symbolic sphere. This concerns phenomena that result from the everyday interactions into which children affected by this particular type of homelessness enter with the "rest of society", as well as the manner in which other people or institutions with greater authority talk about them. We can therefore speak of a lack of respect, humiliation, shame and stigmatisation, treatment in categories of the *Other*, refusal of the right to a voice or an attack on dignity and the sense of one's value. These constitute a foundation of a child's identity and shape his/her subjectivity. They also have a considerable influence on the child's further functioning in social life.²⁰

¹⁸ Over 90% of respondents in their descriptions of childhood identified the home as an important space for building the foundations of identity.

¹⁹ Term used in *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi*, p. 39).

²⁰ The research clearly shows that adults do not show children respect, often humiliate them in the presence of others, and do not treat them seriously, but only objectively. This thesis is particularly acute in individual interviews with children on their "message for adults". Of the 500 people studied, over 87% stated that they "wanted adults to treat them as people (and not objects), respect them, not shout, bully or ridicule them".

TEENAGERS AND THEIR FAMILIAR URBAN SPACES

One of the major topics of the research carried out in Krakow and Katowice proved to be safety, or the need to “protect” teenagers’ free time – as one of the more important factors determining the models of socialisation of young people as residents of cities and citizens.²¹ Before discussing this link between safety and the living spaces of lower secondary school pupils, we should say a little about the theoretical context of the research and data on declared ways of spending free time, preferences regarding spaces for consuming free time and motivations for spending this time in one place or another.

The theoretical foundation of the research is composed of relational theories – an approach comprising a number of detailed conceptions linked by the ontology of social reality viewed as a whole structured through the relations its elements form between themselves, for example social groups and the material and non-material products of human activities. These elements take on meaning only in context and through relations with other elements. The relational approach – present both in socio-spatial theories, for example in Henri Lefebvre (1991), Doreen Massey (1991, 2005), Lyn H. Lofland (1998) and Martina Löw (2008, 2010), and in general sociological theories, such as those of Anthony Giddens (2001, 2003, 2005) – can be treated as a method for studying the living spaces of young inhabitants of cities, including describing and explaining the mechanisms of formation of attitudes towards spaces. Referring to these conceptions, and particularly that of Lefebvre, I would like to emphasise two key issues: firstly, I assume that the urban space is a social space not only in the sense that it is utilised socially and socially significant/valorised, but also because it is socially manufactured; secondly, that the process of manufacture and transformation/reproduction of the space comprises linked social practices, interpretations and valorisations of the space made by people and diverse representations of it, present for example in scientific discourse, press articles or marketing material (e.g. in so-called urban marketing). In the article, we are only

²¹ The respondents were pupils from the 1st and 3rd years of lower secondary schools, i.e. aged mostly 14 and 16. One research sample (in each of the cities) comprised pupils from randomly selected schools and years (in Katowice 411 and in Krakow 406 respondents), and the other one secondary school pupils present during research in a shopping arcade (197 in Katowice – research conducted at Silesia City Center, and 149 in Krakow at Galeria Bonarka and Galeria Krakowska). I will necessarily concentrate on general discussion on the research results, and refer interested readers to the broader publication on the project. Marta Smagacz-Poziemska’s book *Czy Miasto jest niepotrzebne? (Nowe) przestrzenie życiowe młodych mieszkańców miasta* [“Is the City Necessary? The (New) Living Spaces of Young City-dwellers] is due to be published in mid-2015 by Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR (Warsaw).

able to discuss selected aspects of the empirical research referring to these premises.

The research was conducted in two cities of a varying physical and semantic spatial structure. To describe these local conditions in brief: Krakow is a city with a strong symbolic centre, the icon of which is the Main Market Square and the area within the Planty Garden Ring, whereas Katowice, a city with industrial heritage, is more of an archipelago of estates and districts (we should add that while the research was taking place the city centre was undergoing large-scale renewal work, but previously this area – as a formal centre – was of small functional and symbolic significance – see Bierwiazonek, Nawratek, Lewicka), as clearly confirmed by the research on the school pupils' valorisation of the space.

To an extent, this urban model is reflected in the secondary school pupils' attitudes – only to an extent, as in everyday life young people display many similarities irrespective of the local context, especially in terms of needs and expectations towards the space of their own life. Firstly, in both cities it is their own home that is the main space where the research subjects spend time (over 90% declare that every day or several times a week they sit at the computer or watch television at home). The major significance of the home as such is no surprise, as it is the place recognised as the functional-symbolic centre of a person's life. However, if we compare the frequency and intensiveness of spending time in other spaces – whether “outside” and near home, or in public spaces (streets, squares, city centre), or in institutions devoted to young people (youth clubs, cultural centres etc.), one gets the impression of a strong “privatisation” of teenagers' lives. Of course, time spent at home also, and frequently above all, means time spent at the computer and online, which in practice means blurring the boundaries between intimate and public space, “virtually going out”. The significance of the space of the home is confirmed by declarations on frequency of spending time there in the company of friends (or being at friends' homes). The research also revealed differences in the styles (and places) of spending free time, connected to the specific nature of the cities. The space close to the home is generally used significantly less frequently than the home spaces themselves, although in Katowice it is markedly more popular than in Krakow. Interestingly, the analysis of responses to many questions contained in the research tool (e.g. on the company with which respondents spend time or their valorisation of various types of space) shows that young Katowice residents are characterised by a higher level of sense of freedom in the city than their Cracovian counterparts. The former not only “hang around” more often in the space of the district or estate, but are also there more frequently with their peers and declare less feeling of being monitored at home, in the city centre and at the shopping arcade. The institutionalised space (cultural centres, clubs, societies) is seldom used by secondary school pupils: almost a quarter say that

they have never made use of what cultural centres or youth clubs offer, and most of the remainder declare that they attend such places only occasionally (a few times a year, a few times a month). This can be explained both by generally weak participation models in this area of urban life, and by the outdated profile of such institutions, which are unattractive for modern young people.

Although neighbourhoods are considerably stronger in Katowice (at the level of valorisation and practices) than in Krakow, the centre (in the state it was in during the research) is even not so much a negatively valorised space as it is peculiarly “transparent”. Of course, there are certain aspects of the city centre about which the research subjects have some opinion (especially its aesthetic appearance and functionality), but many opinions on its other characteristics gravitate towards a neutral assessment. This does not mean that teenagers do not have an opinion on the space, but rather that the concept of “the centre of Katowice” is semantically “diluted”. The consciousness of the studied teenagers contains either a specific location (e.g. Mariacka Street, the Rondo Sztuki centre) or ideas about the centre of Katowice constructed on the basis more of official narratives on the city than their own experiences. In Krakow, on the other hand, it is the centre that is the symbolically dominant substructure, which very strongly determines the mental maps of the space. At the same time, though, only to a limited extent does this strong and positive symbolism translate to more frequent practice of it. The respondents’ statements show that the majority of them go there occasionally: in total almost two thirds do so several times a month or several times a year. A total of 21% are there every day or several times a week, but over 18% declare that they never go there. The “maps” of the Krakow teenagers are completed by their responses to questions on “important” places – they also mention sites “outside of the centre”, but, characteristically, there are many spatial icons, distinguished and sacred places there that are visited rather on special occasions (museums, churches) than as everyday and secular places. In which places do teenagers want to spend time? Contrary to widespread beliefs about today’s teenagers – their consumerist and individualistic inclinations – they expressed the need for places and spaces allowing them to be with their peer group, spend time actively, and independently explore reality. The open question on the place where they would like to spend their free time after school revealed certain differences between the cities: for the Krakow school pupils, the ideal place is the home of a friend (27% of answers), while in second place (22%) came a list of various places connected by the characteristic of the “privacy” of the place and experience of it (e.g. grandparents’ home, a particular bench close to home, a place for general recreation or roller-skating or cycling); the city centre was cited by 17% of respondents, while 15% chose a shopping arcade. Their counterparts in Katowice mentioned above all “private” or intimate spaces (27%), followed by (over 19%) shopping arcades; just below came the friend’s home (18.6%).

However, this high position of the shopping arcade – especially in Katowice – does not result from intensified consumerist habits, but rather from pointing to the optimal answer in the available conditions. Similarly, for Krakow, I would suggest interpreting the high position of “a friend’s home” in terms of the data on models of the way in which these secondary school students spend their free time in a way that is monitored by adults to a greater extent than is the case in Katowice.

Additional information that might help to explain the teenagers’ expectations regarding the space of activity may be found in their answers to the question on the causes/reasons for spending time at the place which the respondents gave in the earlier question about their favourite place after school. They were able to select no more than three reasons from a list, or give their own. The same main factors were chosen in both cities. The first two, roughly equivalent, were: “my friends come here, and I come with them” (selected by 38% of respondents) and “I just like this place” (36% of respondents). The next two causes, also practically equal, were “I don’t have anything to do after school” and “I know this place very well” (both around 33% of respondents), which refer on the one hand to necessity (“you have to do something with your free time”) and on the other to the sense of feeling at home and having a bond with a place (this can be regarded as secondary to other reasons, as this feeling is constructed by experiencing places, in the sense of “we like what we know”). This context makes it easier to understand the attractiveness of a friend’s home or shopping arcade. In the first case, visiting someone’s home offers the opportunity to maintain relations with peers while feeling a greater freedom than at home, but at the same time provides a sense of security. A shopping arcade fulfils similar conditions, extending the field of the sense of freedom but also “promising” institutional protection, and at the same time with more stimuli. We should also note that shopping is not the objective – or is of marginal significance – for teenagers visiting a mall. The fieldwork conducted in the phase before the questionnaire research showed that in a sense the teenagers enter the role of consumers out of necessity (by looking at clothes or accessories), out of boredom and looking for something to do, but also the desire to immerse themselves in the crowd and be invisible to shop staff.

Apart from these main categories of teenagers characterised by an institutionalised and controlled way of spending their free time (including spending time at home and in institutions organising activities, but also, to a certain degree, in shopping arcades), in both cities several percent of secondary school students declare that their main after-school living space is the local area and streets. Frequently or very frequently, they sit on benches, wander around the estate or district and “their own” various corners of it. This category visits shopping arcades only very occasionally, owing to the discomfort caused by the awareness of being monitored there, the need to adapt to the models of

the street microculture (in some groups going to shopping arcades is “officially embarrassing”), but also the lack of even the minimal amount of money needed by frequenters of malls.

These forms of being with peers – in the space of the estate, street, shopping arcade – no doubt do not always correspond to the ideas of adults if they do not fit adult definitions of “well-organised time” (controlled, institutionalised etc.). However, they are a major value in the process of socialisation of secondary school pupils, including that of socialisation for being an inhabitant of the city, at the level both of the neighbourhood or district and of the whole city.

The research shows that such needs of young people – or at least many of them – are not satisfied. The reasons for and consequences of this are various, but the most important ones include adult control of children in the name of safety, lack of objective opportunities (e.g. the spatial distances associated with living in the suburbs, financial limitations), and finally, the models of urban life presented by the adults themselves and imitated by young people.

The results indicate that new spatial phenomena (such as shopping centres) do not so much complement the previous processes as change their direction. In the case of Katowice, the shopping arcade is clearly assuming the role of urban centre, not just at the level of emotive structures (prestige, pride in the city), but also making up for the deficits of the place of residence and taking over the function of estate playground. However, the fieldwork and analysis of secondary data shows that teenagers do not produce an entirely new, “youth” model of urban life or using the public space, but rather invoke the models and practices of adults, only later adjusting these practices stylistically to create a kind of own microculture. We can conclude from the research – although this will require further confirmation in empirical studies – that the home and shopping arcade are regarded as safe socialising spaces, or at least relatively safe, as the point of reference in the assessments is other urban spaces. They are considered safe by both adults and teenagers. A large part of the time spent outside of school occurs within the limits of the young people’s own home, which in practice for a fifth of them means isolation from direct social contacts with their peers (20% of the Krakow respondents answered that they usually spend their time after school alone). Owing to new technologies, the sense of isolation is minimised, but this does not suffice for the teenagers who took part in the study, who decidedly expressed the need to meet friends and acquaintances.

In Katowice, the socialising influence of the “yard” (neighbourhood) is slightly more marked than in Krakow, and private space also seems to be a little more open to practising primary, extra-family relationships (visits from friends). In Krakow, which at the level of spatial valorisation remains a monocentric city, there are two dominant strategies: the institutionalisation of free-time practices

and withdrawal into the domestic, intimate space. The former strategy, which can be seen in both cities, but more clearly in Krakow, is a way of “securing” teenagers’ post-school time, in both senses of the word. Firstly, by organising “quality” time (developing interests, perfecting skills), which includes both ordinary but organised sporting activities and more refined but at the same time cost-intensive activities (horse riding, tennis). Secondly, it is a form of providing a child with safety: from “strangers”, treated as a potential threat, as well as various stimuli perceived as negative. According to their guardians, teenagers spending time outside the home or a “suitable” institution would be more exposed to threats (and I assume that this world of “urban dangers” is to a great extent socially constructed). The strategy of institutionalisation of free time also has a more hidden aspect, as it is connected with the question of the social structure, and specifically recreating this structure by practising various models of participation in life outside the home linked to different family resources.

The research in the two cities shows that the pupils from Krakow, who according to their declaration come from families with greater economic and cultural resources, more frequently participate in the institutionalised spatial practices offered by various clubs, organisations, and private companies. In each of the cities there is a small category of teenagers – a few percent – who spend their free time in the form of consumption (and sometimes also prosumption) of culture, and whose description of their families’ socio-economic situation is a perfect fit to all classic studies showing the strong link between family/parental capital and lifestyle, including consumption.

YOUNG PEOPLE IN THE CENTRE AND ON THE MARGIN OF URBAN POVERTY ENCLAVES

Residing in an urban enclave, identified as a certain type of space that constitutes – usually – a symbolically closed territory in relation to the whole district or city, generally means that the people who live there “domesticate” it and adjust to it. These people feel out of place in other urban areas. Processes of self-selection in this type of areas – engendered by land prices, living conditions, availability of properties and significant elements of the communal structure, as well as the “quality” of inhabitants – lead to a growing internal homogeneity and separation of this area from others (Morley, 2011, p. 161).

These unique circumstances form a kind of ecosystem, in which people construct relations both with the place and with its residents, users or those who frequent it. As such, enclaves and the people who live in them are becoming an important research area. Therefore, one of the significant topics which appeared in the project “The social closing of space...” was that concerning safety and evaluation of the district as “good”. Importantly from the point of view of further analyses, incidentally, this project was conducted in a particular type of

enclaves, with degraded infrastructure and inhabited by people whose financial situation means that they are clients of social assistance.²² I should add that the respondents themselves defined their immediate neighbourhood, asked to draw up a diagrammatic map of it. In the next part of the study, they were asked to provide an evaluation of the area, from such points of view as safety, attractiveness, and sense of being at home. Important considerations in making this type of assessment were the organisation of the space itself, its infrastructure (uneven pavement, flaking plaster, lack of intercoms and CCTV, scarcity of benches, parks, playgrounds), but also the “quality” or type of people living there. All these aspects were contrasted, especially by people with children, with what is safe and good for children as well as right for them as parents/guardians. Three categories of residents and their relationships were exhibited: children as the object of care, adults, and young people causing anxiety.

Against the background of the difference of the culture of the lower classes compared with that of the middle classes, which has the opportunity to crystallise in this kind of enclave environment, Walter B. Miller coined his conception of deviant behaviours, paying particular attention to the position of young people. Alongside the most important points of reference, which are problems (having or avoiding them) and toughness (manifested by physical and mental strength, courage, lack of scruples), two other components are characteristic of young people: belonging and status. Among the ways these are achieved are behaviours in keeping with values that are generally binding in the culture of lower strata, which usually take on a more intensive form (cf. Siemaszko, 1993, p. 154-163). Young people therefore copy certain adult behaviours, and even emphasise them excessively as motifs for maintaining or improving their status in the group. Although this relationship and the essentially imitative behaviours of young people are observed, such conduct not only does not meet with approval – as the statements of the respondents show – but also leads to antagonisms with adults, who believe that the way in which the young people act makes the area unattractive, and even dangerous. This occurs

²² The research was conducted in urban as well as rural areas in two stages. The first, pilot stage of the studies took place in a large city among 30 people (10 homeless people living on the streets, 10 clients of social assistance receiving aid because of their economic situation, and 10 respondents who were neither homeless nor social assistance recipients. In the second stage, over 90 interviews were carried out using visual methods, 85 of which were analysed. In April 2015 further interviews are planned among homeless people. For the purposes of the article, only the results of research from the second stage conducted on 32 clients of social assistance, residents of the two large Polish cities, are analysed. The methodology of the research comprised questions with a scale intended to measure subjective experience of exclusion, a structured interview and a few visual methods (mapping of space, trails and boundaries), including a mobile visual method – a photowalk.

even though the majority of respondents are long-term residents of the area, where they feel “at home”, and some even retrospectively identify the type of behaviour attributed to young people in their own experience. An important variable explaining this state of affairs might be the range and/or intensiveness of virtual, media and spatial mobility²³ of the individual inhabitants – both adults and young people – with which is connected a varying number of contacts, alternative opinions and created needs. Returning to the opinions of the adult respondents, the neighbourhood youth were perceived as:

- Noisy – day and night:

“There are a lot of youngsters here, troublemakers, in the evenings it’s really noisy” (Resp. 28, male).

- Failing to keep things tidy:

“In our building it’s such a mess (...), that you can fall over in the stairs. It’s those kids who litter. Anything they eat, crisps, whatever, they drop the bag... There’s a can in the yard, he could throw it out... No, chucks it on the stairs and fine” (Resp. 22, female).

- Dangerous:

“The neighbourhood would be good if the young people didn’t cause so much trouble, (...) they’re hopeless kids. In the evening you’re scared to go out” (Resp. 22, female).

- Destructive and bored:

“Here in the area lots of kids live, adolescents, and they do what they want. Recently they knocked over a fence. That kind of hooliganism” (Resp. 22, female).

“Everywhere’s falling down and needs renovating. Because the teens were bored and burnt the flat downstairs” (Resp. 67, female).

The sense of threat from young people applied in particular to people who are strangers or do not feel at home in a given place:

“I don’t feel a stranger here. If you know these teenagers it’s safe; with those who don’t know them it might be different” (Resp. 24, male).

“Maybe it’s a bit silly, but this mess, this filth, these faces rolling out of these pubs, where your beer goes on the tab. I think it’s a kind of charm that I’ve been seeing since I was a kid. Nothing’s happened to me here and that’s the way I look at it. (...) they know me here, I don’t start on anyone, so they don’t start on me” (Resp. 26, male).

The sense of threat can therefore be greater if one is less familiar with the local residents, rather than based on a statistically lower number of acts of vandalism or violence. As an example, we can cite the opinion of a resident who

²³ Mobility here means moving both in a space on a physical sense, and between websites, television channels, or the virtual world of games, associated with transfers of information, opinions, images etc.

would happily move away from the district he lives in, in which he received a council flat:

“It’s grim, the youngsters are looking for fights, there’s no respect at all, if you look at someone the wrong way you might get a smack in the mouth” (Resp. 25, male).

This respondent would most like to return to his “own” district, which local research in fact shows to have a worse reputation and a higher crime rate than the one where he currently lives. As he says, “the best place is where you grew up and know everything”.

In light of the fact that this unacceptable behaviour of young people is in fact nothing unusual from the point of view of the respondents, the source of the negative opinions on their ways of life can lie in several circumstances. Leaving aside for a moment the aforementioned question of mobility, based on the statements of several dozen adults, the most obvious and at the same time universal circumstance seems to be a change of social position associated with age, with which abandonment of the practices typical of youth is also linked. With age, people’s perspective and reference group change, along with their preferences – and often also available opportunities – for spending free time. There are new competing problems and needs, such as childcare, cramped living conditions, rent arrears etc. Secondly, there may be antagonisms resulting from unfamiliarity or lack of acceptance from the older generation of the rules that govern the way in which young people function. Rejection of these principles, calling them “senseless” and/or less valuable, undoubtedly serves the ego and aims for affirmation of the past behaviours with which adults are familiar. We should also note that it is frequently not the rules, but their manifestation that tends to change from generation to generation.

“Another neighbourhood didn’t come to us, and we didn’t go to them, and you don’t steal from your own (...), that’s how it used to be... Where I lived I was safe, I knew where I could go, where the boundary of being safe is, if I went any further no one would help me” (Resp. 6, male).

Thirdly, a reason for the negative opinions regarding the conduct of young people might be its aforementioned intensification. What also might be significant is the sense of loss of previous position or control. This applies especially to adult men and can affect their attitude strongly – once it was them who had the feeling of strength and domination, but with time younger people become pre-eminent.

“[It’s a city where] the poor live in the centre, and the rich on the outside, I’ve been living in the city centre for my whole life, where the city ruled. Now the city doesn’t rule any more, children aged 15, 16, get stoned, go to the gym, buy themselves a pit bull and they are the city. (...) every second bench there are a few of them sitting there, I could have each of them individually, but I can’t manage all of them” (Resp. 6, male).

Let us add that it was the young people from the neighbourhood, who can also be perceived as anonymous residents, who were judged negatively. This can to a certain extent also explain the critical attitude towards them and lesser tolerance towards their behaviour: “Your own children don’t behave like that”, as pointed out especially by the women respondents. Furthermore, rude or aggressive young people were contrasted with the friendly, more predictable adults, with the temporary nature of the former’s behaviour being highlighted:

“The people here are so friendly. Everyone asks everyone else if they can help with something, carry up a pram, bring... That’s [people] aged 25 upwards” (Resp. 61, female).

“Little brats who walk around causing trouble. When I moved in there were lots of them. Lots of brats sitting on the stairs. But they grew up. Now they have their own families” (Resp. 55, female).

“[It’s not a safe area] You just have to look how many people die here every year. I’m not talking about people who’ve frozen, drunk themselves to death... I’m talking especially about people aged 18, let’s say up to 25, because after that they calm down.” (Resp. 67, female).

The respondents are convinced that the way in which young people behave is a consequence of external factors: the lack of things on offer institutionally, lack of day centres, youth clubs, or interest from the local authorities. But they also paint the problem as something that takes place outside of their own families, stressing that they care for their own children, who behave well. Other parents are accused of irresponsibility, improper conduct, lack of interest in their children, having too many of them and subsequently failing in their parental duties. Although the respondents did not express this directly, their opinions also suggest that the adults’ behaviour models and socialisation of children on the street are also a problem.

* * *

Interest in issues of children and young people from both researchers and representatives of local and regional authorities seems to be variable, although it is crucial in the former case for better understanding of these phenomena, and in the latter for sanctioning specific social practices. However, the experience of being a child or young person leaves a permanent imprint and is not just a developmental challenge, but also one that is part of the socio-cultural dimension of a person’s life. It therefore needs to be understood, for purely cognitive as well as practical reasons.

BIBLIOGRAPHY

Bauman, Z. (2008), *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge: Polity Press.

Giddens, A. (2001), *Nowe zasady metody socjologicznej*, Kraków: Zakład Wydawniczy Nomos.

- Giddens, A. (2003), *Stanowienie społeczeństwa. Zarys teorii strukturacji*, Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka.
- Giddens, A. (2005), *Socjologia*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Hryniewicz, J. (2006), *Odrzuceni. Analiza procesu umieszczania dzieci w placówkach*, Warszawa: ISP.
- Jacyno, M., Szulżycka, A. (1999), *Dzieciństwo. Doświadczenie bez świata*. Warszawa: Oficyna Naukowa.
- Kornas-Biela, D. (ed.). (2001), *Oblicza dzieciństwa*. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego.
- Lefebvre, H. (1991), *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.
- Lofland, L. H. (1998), *The Public Realm. Exploring the City's Quintessential Social Territory*, New York: Aldine de Gruyter.
- Löw, M. (2008), *The Constitution of Space. The Structuration of Spaces through the Simultaneity of Effect and Perception*. *European Journal of Social Theory*, 11(1), pp. 25-49.
- Löw, M. (2010), "The Intrinsic Logic of Cities. Towards a New Theory on Urbanism". Lecture at the conference of the European Urban Research Association (EURA): *Understanding City Dynamics* Darmstadt, Germany, pp. 1-12.
- Massey, D. (1991), *A Global Sense of Place*. *Marxism Today*. 1991, June, pp. 24-29.
- Massey, D. (2005), *For Space*. London: Sage Publications.
- Morley, D. (2011), *Przestrzeń domu. Media, mobilność i tożsamość*. Warszawa: Narodowe Centrum Kultury.
- Siemaszko, A. (1993), *Granice tolerancji. O teoriach zachowań dewiacyjnych*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Sajkowska, M. (1999), *Stygmat instytucji. Społeczne postrzeganie wychowanków domów dziecka*. Warszawa: ISNS UW.
- Stein, E. (1988), *O zagadnieniu wczucia*. Kraków: Wydawnictwo Znak.

Ольга Петренко*

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ УКРАИНО-РОССИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Данная статья посвящена рассмотрению использования Интернет-технологий для влияния на общественное мнение в условиях «гибридной войны». В ходе case-study рассмотрено использование социальных сетей для конструктивной и деструктивной социальной мобилизации. В статье освещено использование ресурсов Интернет-медиа для запуска слухов, инфицирования общественного сознания деструктивными идеями. В статье отслеживаются модели обмена информацией в Интернете в кризисных ситуациях при помощи социальных медиа. Продемонстрированы примеры краудсорсинга и краудфандинга в Интернете, как инструментов решения первоочередных задач общественной безопасности. На конкретных примерах показаны технологии использования массовых проплаченных комментаторов, хакерских и DDoS-атак, сбора разведданных в Интернете. Продемонстрированы технологии социальной дестабилизации и выработанные технологии противодействия им за счет ресурсов самоорганизации украинского общества. Материалы статьи могут быть использованы для укрепления информационной безопасности общества.

Ключевые слова: «гибридная война», электронные социальные сети, технологии влияния на общественное мнение

This article is devoted to the use of Internet technologies for influencing the public opinion in a "hybrid war". In the case-study reviewed the use of social networks for the constructive and destructive social mobilization. The article highlights the use of Internet media resources for starting rumors, infections of public awareness by destructive ideas. The article monitored the model of information exchange on the Internet in crisis situations in the social networks. The examples of crowdsourcing and crowdfunding in the Internet are demonstrated as tools address the priorities of public safety. Using concrete examples we show technologies of mass paid commentators, hacking and DDoS-attacks, intelligence gathering on the Internet. Are demonstrated technologies of social destabilization and worked out technologies to counter them within the resources of self-organization of Ukrainian society. Technologies of social destabilization and worked out technologies to counter them within the resources of self-organization of Ukrainian society are demonstrated. Article materials can be used to strengthen the information security of community.

Keywords: "hybrid war" electronic social networks, technologies of influencing public opinion

Исследование процессов функционирования общественного мнения в Интернете и технологий влияния на него является насущной необходимостью для формирования информационной безопасности общества. Важнейшую роль сыграл Интернет в событиях зимы 2013 –

Ольга Петренко – ассистент кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина);

Сфера научных интересов: социология Интернета, социология СМИ.

E-mail: petrenkoo.s2050@gmail.com

весны 2015 гг. в Украине. Интернет-технологии стали одним из инструментов «гибридной» войны РФ против Украины.

Внимание к роли социальных медиа в общественных движениях социологи начали проявлять еще начиная с событий «арабской весны» 2010–2011 (Чернобай, 2011), затем появились работы анализирующие роль социальных сетей в протестах 2011 в России, беспорядках в Стамбуле 2013 гг. и т.д. (Вахула, 2015; Петренко, 2014; Куликов, 2011)

Отметим, что, по крайней мере, с весны-лета 2013 года автор исследования наблюдала рост количества материалов в рунете, направленных против государственности Украины. Они появлялись на площадке блогов «Живой Журнал», на форумах, в социальных сетях. Это были материалы, которые преследовали цель опровергнуть существование украинцев как отдельной нации, существование украинского языка, отрицали право украинцев на государственность и их право на некоторые территории Украины. Кроме того, возросло количество материалов, разжигающих агрессию к представителям западных регионов Украины и нацеленных на украинскую и российскую аудитории, начали появляться материалы о «Новороссии», пророчества раздела страны на части, из-за того, что, якобы, люди в разных её частях не являются единым народом. Например, в День независимости Украины 24 августа 2013 года практически весь топ «Живого Журнала» был забит записями, которые убеждали пользователя, что Украина не является самостоятельным суверенным государством, а скорее историческим недоразумением. Резко активизировались проплаченные комментаторы, тролли и боты. В риторике Интернет-дискуссий резко вырос уровень риторики, нацеленной на разжигание межрегиональной и межнациональной вражды. Многие обращали внимание, на то, что время споров о внутриукраинских делах, среди комментирующих стало непропорционально много пользователей из РФ. В полном объёме это проявилось в том, что в группах «Антимайдан», а впоследствии в группах сепаратистской направленности, иногда больше половины подписантов составляли не жители Украины. Нашествие таких комментаторов началось именно с кампании РФ по убеждению Интернет-пользователей в необходимости для Украины отказаться от евроинтеграции в пользу интеграции с Таможенным Союзом. От лета 2013 до весны 2014 риторика проплаченных комментаторов прогрессировала от преимущественно антиевропейской и антизападной до откровенно антиукраинской. Отметим, что рост агрессии в Интернет-дискуссиях должен был насторожить общество, ибо в мире уже существуют исследования, подтверждающие, что после увеличения количества агрессивных высказываний в Интернете, с определённым временным лагом, идёт волна насилия.

Ещё до событий зимы 2013 года, среди тенденций рунета, которые имеют признаки целенаправленной информационной политики РФ, направленной на внутреннюю российскую и украинскую аудиторию, видим следующие: 1) разогревание антизападных настроений; подготовка к конфронтации с Западом; пропаганда России как единственной надежды на «спасение» Украины; 2) построение образа врага в лице жителей западной части Украины, конструирование фигуры «фашистов» и «бандеровцев»; позднее образ врага расширяется на почти всех граждан Украины, выступающих за украинскую государственность и территориальную целостность; целенаправленное подогревание внутриукраинского политического конфликта через перенос акцента на этничность и языковой вопрос, которые не были ключевыми вопросами социального взрыва зимой 2013–2014 гг.

После отказа от подписания ассоциации с ЕС, начались события, названные «Евромайданом», которые носили различный характер на разных его этапах. Значение социальных сетей в этих событиях невозможно переоценить. Соцсети стали мощной средой организации, самоорганизации протестующих и населения, распространения информации и дезинформации. В наиболее популярных соцсетях быстро появились сообщества с названием «Евромайдан» и подобными, быстро были образованы и соответствующие сообщества в больших городах, что позволяло людям собираться, распространять информацию без контроля государства, обсуждать требования, координировать сбор вещей, денег, разыскивать пропавших и раненых, организовывать оборону от «титушек», решать проблемы транспорта, юридической помощи и т.д. Отдельно формировались группы по поддержке задержанных, помощи раненым. При помощи хештегов, например, в Твиттере, информация о событиях становилась доступной людям во всём мире. Самыми популярными тегами в Твиттере стали «Євромайдан, Евромайдан, Euromaidan». Соответствующие хештеги выводились в тренды Твиттера при помощи «твиттер-штормов» – одновременного массового написания сообщений с определённым тегом разными пользователями. Новым явлением среди Интернет-СМИ стали популярные стримы – прямые трансляции в Интернете событий онлайн и популярное Интернет-телевидение.

Противники действий протестующих становились членами групп «ПМОП «Беркут» – оплот спокойствия страны» и «Антимайдан». Группы последнего типа были построены по структуре «майданных»: общие и территориальные. Отметим, что во всех группах был всегда заметен вклад российских и провластных политтехнологов: по риторике, большому количеству российских комментаторов и подписчиков. Отдельно стоит отметить большое количество «антимайданных» групп в самой РФ, то есть, через Интернет происходила заметная идеологическая обработка

населения, которая формировала определенное восприятие ситуации в Украине и настрой на дальнейшее противостояние с ней и Западом.

Существование широкой сети подобных групп является результатом сочетания целенаправленных политтехнологий и инициативы снизу. Именно влиянием иностранных спецслужб и провластных и российских политтехнологов можно объяснить то, что сообщества, которые привлекали людей с другим видением внутриукраинского конфликта начали ретранслировать российскую пропаганду и стали рупорами антигосударственных призывов. На определённом этапе в этих группах была задействована подмена понятий: тех, кто выступал за суверенитет и целостность Украины, начали называть «майдаунами», «фашистами» и т.д. Иррациональные страхи, реальные и выдуманные обиды, пустые обещания, навешанные СМИ установки были использованы частью украинской элиты и Кремлем для превращения таких сообществ в откровенно украинофобские и антиукраинские. Именно риторика в соцсетях сыграла большую роль в дегуманизации сторон противостояния.

Интересным способом определения собственной поддержки той или иной стороны среди пользователей стало обыкновение ставить себе на аватарку соответствующий символ. Флаг Украины, ЕС, чёрный квадрат с ленточкой цветов украинского флага или свечку на чёрном фоне – для тех, кто поддерживал Майдан, после начала украино-росийского конфликта добавились ещё герб Украины и тамга крымских татар на голубом фоне – для тех, кто поддерживал единство Украины; эмблему подразделения «Беркут» или георгиевскую ленточку ставили противники событий на майдане; флаги РФ и НВФ «ЛНР», «ДНР» или «Новороссии» и аватарок на их фоне – для тех, кто поддерживал российское вторжение и сепаратистов. Так в соцсетях пользователи маркировали свою позицию для окружающих.

Особенное внимание необходимо уделить тому, что неправдивые сообщения, которые массово тиражировались в соцсетях, вызывали особое доверие, так как якобы исходили от простых людей, «очевидцев». В комментариях из разных аккаунтов встречались дословно одинаковые истории о знакомых родственниках, которые якобы стали наркоманами от чая на «майдане». Потом сеть накрыло валом сообщений о колонне автобусов с «бендеровцами», которые якобы едут в города востока страны. Такие сообщения вызвали настоящую истерию в массовом сознании востока Украины.

Российские политтехнологи прибегли к массовому созданию англоязычных аккаунтов в Фейсбуке и Твиттере. А несколько иностранных СМИ заявило о массовой атаке пророссийских ботов в комментариях на своих Интернет-страницах (Бобраков-Тимошкин, 2014).

Отдельной страницей противостояния являются DDoS-атаки на сайты Интернет-СМИ, сайты госучреждений, которые имели место со стороны всех участников противоборства. Примером является группа российских и пророссийских хакеров «Киберберкут», а также многочисленные объединения украинских IT-специалистов и пользователей, которые атакуют сепаратистские Интернет-ресурсы, блокируют банковские счета террористов, их телефоны и т.д.

Самой примечательной чертой групп, направленных против Майдана, было внедрение в массовое сознание образа себя как борца с фашизмом, а, соответственно, всех, кто поддерживал Майдан, как «фашистов». Любого, кто в чём-то выражал поддержку Майдану, или весной отстаивал позицию государственной целостности Украины, независимо от отношения к событиям в Киеве, сразу называли «майдауном», фашистом, «майданутым», «бандерлогом», «бандеровцем» и т.д. По риторике и активности пророссийских ботов, можно предположить, что они имели специальные указания радикализовать риторику для максимального распространения языка ненависти, разжигания внутреннего конфликта в обществе.

В январе-феврале 2014 года резко активизировалась в соцсетях деятельность милитаризированных формирований со штаб-квартирой в Москве. Например, «Национально-освободительного движения» (НОД), чьи подразделения позже принимали участие в вооружённом конфликте на востоке Украины. Массово рассылался спам с призывами вступить в НОД, «раскручивали» их группы в соцсетях и сайты. Вообще, группы «ВКонтакте» стали мощным инструментом вербовки граждан России и Украины для участия в проплаченных митингах и вооружённых бандформированиях. В марте, например, в России через группы «ВК» набирали «туристов Путина», для захвата административных зданий на востоке Украины за деньги.

Как минимум в конце января в антимайданных группах в «ВК» уже начали появляться карты, которые изображали раздел Украины на две или более части. Возмущение граждан Украины не всегда законными действиями Майдана начали целенаправленно трансформировать в сепаратистские и антиукраинские настроения. В Интернете начали появляться сепаратистские группы, которые ориентировались на Крым, жителей востока и юга страны. Группы содержали в названии слова «антимайдан», «Юго-Восток», «Юго-Восточная Федерация», «Новороссия», «Л/ДНР» и т.д. Группы, которые на первом этапе собирали людей под лозунгами защиты зданий государственной и местной власти, например, «Луганская гвардия», стали проводниками сепаратизма, российской пропаганды и организаторами захватов вышеназванных органов власти. Во многих подобных группах больше половины

подписчиков составляли граждане РФ. В комментариях действовала жестокая цензура. Комментарии, которые разоблачали неправдивость новостей российской пропаганды, отображали проукраинскую позицию или содержали ссылки на материалы, которые шли вразрез с позицией группы, немедленно удалялись администраторами, а их авторы отправлялись в чёрный список и бан.

Украинский сегмент Интернета отреагировал на наплыв российских ботов и групп, призывавших к сепаратизму, самоорганизацией. Появились группы в соцсетях, которые призывали своих членов массово жаловаться на соответствующие аккаунты и группы, чтобы хотя бы временно их заблокировать. Для противодействия проплаченным комментаторам и ботам, добровольцам предлагалось «ходить» по группам с нейтральным или враждебным настроением и распространять проукраинские материалы, материалы, которые опровергают российские фейки, убеждать аудиторию групп в нужном ключе. Но неорганизованные команды добровольцев заметно проигрывали армии проплаченных РФ комментаторов. Хотя в Интернете появился ряд успешных украинских проектов по контрпропаганде: страница Дмитрия Тымчука, координатора группы «Информационное сопротивление» во время событий в Крыму, когда госаппарат был парализован, стал одним из основных источников информации для украинской аудитории и ответом российской военной пропаганде. Интернет-сайт «СтопФейк», созданный группой энтузиастов, их канал на Ютубе и страницы в соцсетях стали мощным инструментом опровержения неправдивых новостей из российских телеканалов и сайтов. Кстати, этот проект стал ещё и успешным примером краудфандинга, так как финансовую поддержку проекту предоставляют сами пользователи. Такие негосударственные Интернет-проекты, как «InformNapalm», продолжили тенденцию борьбы с российской пропагандой силами гражданского общества.

С началом оккупации Крыма появились крымские группы, созданные обычными людьми, которые объективно освещали события на полуострове. Первые сообщения о российских военных и технике, которые начали захват полуострова, появились именно в социальных сетях от местных жителей. Начали появляться крымские патриотические группы, которые объединяли тех, кто выступал против псевдореферендума и аннексии Крыма. Образовались группы, объединявшие людей для оказания помощи украинским военным, заблокированным российскими войсками.

Сформировалась модель, когда люди в группе обмениваются информацией от очевидцев, координируются для решения вопросов в кризисных ситуациях, помощи военным, эвакуации беженцев и прочее. Примером такой группы является сообщество «Крым – Украина» в сети

«ВКонтакте» (*примечание*: «Город Н. – это Украина» – распространенная схема названий патриотических групп на востоке страны и в Крыму). В Фейсбуке и «ВКонтакте» выделялось сообщество «КрымSOS», которое информировало о ситуации в Крыму, занималось эвакуацией беженцев и помощью военным. Через контакты на странице можно было предоставить информацию, финансовую помощь и вещи военным и беженцам и т.д. период почти полного паралича государственных структур такие инициативы позволили оперативно решать первоочередные вопросы. С крымских событий берут начало целый ряд групп помощи армии из различных частей Украины; все они привлекали помощь через социальные сети. Через «Фейсбук» развивались такие масштабные инициативы поддержки военных: группы «Крылья Феникса», «Підтримай армію України», «АрмияSOS», не говоря уже о множестве индивидуальных и коллективных инициатив помощи украинским силовикам, которые развивались и функционируют при помощи различных социальных сетей.

Стримеры, дежурившие у украинских частей и транслировавшие их захват российскими военными в Интернете – стали мощным источником влияния на общественное мнение в Украине и мире. Война, которая транслировалась онлайн в Интернете, позволила сохранить свидетельства преступлений армии РФ, пророссийских наемников в Крыму и на Донбассе. Добавим, что стримеров активно использовали и пророссийские сепаратисты для продвижения информации о своих митингах, акциях, боевых действиях. С целью недопущения информирования населения о ходе агрессии хакерами Кремля осуществлялись DDoS-атаки на сайты общегосударственных и региональных СМИ: «Зеркало недели», «ТСН», Интернет-издание «Остров», «Остров Лугань» и другие.

Почти у каждого города востока Украины сформировалось несколько типов сообществ: патриотические, пророссийско-сепаратистские и нейтральные. Патриотические группы кроме информационной функции и функции общения с единомышленниками использовались для организации патриотических акций, граффити акций, помощи военным, построения структур гражданского общества после освобождения городов востока Украины от террористов. Вторые использовались для сепаратистской пропаганды, вовлечения в незаконные бандформирования. Во всех группах местные жители обменивались новостями о текущих событиях.

С целью противодействия проплаченным ботам, не справляясь с валом комментариев, нарушающих правила, многие электронные СМИ стали их отключать на своих сайтах и на страничках в социальных сетях. Отметим, что вал проплаченных комментариев с признаками разжигания межнациональной розни и вражды между жителями разных регионов

Украины начался еще летом 2013 года, но большинство ресурсов не банили за оскорбления на национальной почве или оскорбления по признаку региона проживания. Отсутствие ответственности за их неудаление для таких ресурсов стало одним из механизмов развития вражды в обществе.

Даже Интернет-энциклопедия «Википедия» была втянута в информационное противостояние. Разгорались «войны правок», когда российская сторона стала массово исправлять слова «террористы» или «сепаратисты», «боевики» на «ополченцы», «повстанцы» в статьях на русском и иностранных языках. Россияне начали формировать свою собственную идеологическую реальность, создавая статьи о «ДНР/ЛНР», «Новороссии» и событиях на востоке Украины.

Новой реальностью стало использование Интернет-рации Zello. Сначала эта программа использовалась для координации сепаратистского мятежа на местах. Множество каналов этой Интернет-рации, которые координировали и собирали информацию от людей на местах, характеризовались тем, что они становились рупором распространения пропаганды, истерии и дезинформации. Обращало на себя внимание, что значительное количество пользователей этих каналов даже не скрывало, что являются гражданами РФ, подталкивая местных к войне. В очень многих «антимайданных» и сепаратистских группах в соцсетях и Zello-каналах модераторы не были гражданами Украины. И наоборот, патриотически настроенные Интернет-пользователи, используя каналы Интернет-рации в режиме радиомолчания, собирали информацию о перемещении боевиков, российских наемников, помогая ВСУ. Кстати, в общении на таких каналах местные жители, сочувствующие сепаратистам, начали обвинять их в мародерстве, похищениях, обстрелах жилой застройки, выдавая в эфир доказательства преступлений боевиков. Модераторы в таких случаях банили пользователей канала.

На фоне последних событий в Украине ярко проявилась новая модель коммуникации в электронных СМИ. Люди-очевидцы массово сообщают о событиях, которые происходят, предлагают новости в Интернет-медиа и соответствующих группах в соцсетях (напрямую или через администраторов групп). Такую оперативность и массовость не могла бы обеспечить ни одна традиционная сеть корреспондентов и репортеров, особенно в военных условиях. Для населения было чрезвычайно важно иметь соответствующую информацию в экстремальной ситуации, чтобы эффективно действовать: в сети делились информацией, где идут бои, какие условия в разных частях города, где и что работает, как можно выехать из города или добраться куда-либо. Такую модель производства и получения информации обеспечивали многие сайты, большинство групп городов в социальных

сетях. Конечно, такой метод не является гарантом получения правдивой информации. Во время военных действий во многих пабликах наблюдалось нашествие проплаченных комментаторов, которые интенсивно продвигали тезис о том, что обстреливает города именно украинская армия, отрицали факты мародёрства, грабежей и похищений со стороны боевиков, высмеивая и травя тех, кто говорил о таких случаях; целенаправленно распускались неправдивые слухи об украинских силовиках. Многие из патриотических групп на оккупированной территории перешли в закрытый режим, предлагали участникам пользоваться фейковыми страницами, браузером TOR из-за случаев угроз и похищений их участников.

Важно отметить, что террористические группы на пути создания непризнанных анклавов «ЛНР» и «ДНР» очень большое внимание уделяли функционированию соответствующих групп во «ВКонтакте» и сайтов, которые репрезентовали их в виртуальном пространстве.

В ходе информационной войны активно действовали преступные кибер-группировки: например, одна из них – группировка «Киберберкут» неоднократно брала на себя ответственность за атаки на украинские Интернет-ресурсы. Хакерские атаки фиксировались во время президентских выборов и внеочередных выборов в Верховную Раду 2014 года. Со стороны Украины действует добровольное объединение «Украинские кибервойска», на странице объединения «Кибер-щит» была информация, что в объединение входит 13000 пользователей и IT-специалистов-добровольцев. Они организуют атаки на сайты сепаратистской направленности, блокируют счета, на которые собирают средства для террористов, взламывают почтовые ящики преступников и выкладывают их переписку, проникая в системы видеонаблюдения, собирают разведданные.

Проблема администрирования информационного пространства Украины ярко проявила себя во время последних событий. Подконтрольные РФ администраторы сетей «Одноклассники», «ВКонтакте» отказывались удалять материалы, которые нарушают законы Украины, в частности, призывы к нарушению территориальной целостности, терроризму. Даже в «Фейсбуке» регистрировались случаи блокирования сообществ и личных страниц, которые распространяли критику в адрес действий В. Путина. Модераторами этой международной сети игнорировались жалобы на противозаконные призывы и ложь, направленные против Украины и её граждан.

Через сеть групп в «ВКонтакте» была организована цепочка бунтов солдат-срочников Национальной Гвардии в октябре 2014-го. В группах, где администраторами были граждане РФ, в том числе сотрудники спецслужб, системно подрывалась боеспособность воинских частей, через

демотивацию выполнения своих служебных обязанностей, группы призывали к неповиновению командирам, уверяли в возможности добиться демобилизации через противоправные действия.

Сеть микро-блогов «Твиттер» применялась командой «Стоптеррор» для сбора разведанных о блокпостах, перемещении боевиков и их пособников, войск РФ и военной техники. Прибавив к сообщению хештег «стоптеррор», написав в личные сообщения аккаунта, или на соответствующий сайт, можно было помочь в передаче важной информации украинским силовикам. Так точно противоположной стороной создавались группы в соцсетях для сбора разведанных о действиях украинских силовых ведомств и проукраинских активистов. Сайт «Миротворец» стал инструментом сбора информации о российских наемниках и террористах, солдатах РФ, воюющих в Украине: сетевая общественность на основе открытых данных социальных сетей и сайтов создала при помощи этого сайта соответствующую базу, используемую правоохранительными органами Украины.

В период весны-лета 2014 г. украинский твиттер-сегмент применял твиттер-штормы, чтобы достучаться к власти или сообщить о чём-то мировому сообществу. Примером стало выведение в топ тегов `RussianInvadedUkraine` и `UkraineIsUnderAttack`.

Поле боя аудио-визуальной пропаганды став YouTube. Некоторые видео стали фактически доказательствами преступлений боевиков. Солдаты РФ и российские наёмники не стеснясь фотографируются с российской техникой в Украине, рассказывают о том, как они воюют, на страницах соцсетей в фото и видеоматериалах. Солдаты-артиллеристы, которые обстреливали с территории РФ украинское приграничье, выкладывали об этом фото, даже отмечали своё пребывание геотегами. Интернет дал возможность каждому террористу рассказывать о своей идеологии широким слоям населения, но и сохраняет доказательства их преступлений. Интернет превратился в источник разведанных для обеих сторон конфликта.

В целом, РФ, имея более широкие организационные и материально-технические возможности, действовала более мощно на Интернет-фронте. Иногда многочисленные боты просто забивали информационное пространство однотипными сообщениями в украинском, российском сегментах и сегментах стран Запада. Украине пришлось полагаться скорее на несистемную работу добровольцев информационного фронта. Так, ещё с весны 2014 г. украинцы создавали для этого «киберсотни». Простые пользователи также делали и распространяли фото, видео, музыку патриотического содержания, заполняя нишу государственной агитации. В 2015 г. Министерство информационной политики призвало пользователей приобщиться к Информационным войскам Украины, чтобы

распространять материалы отстаивающие украинскую точку зрения на агрессию РФ и противодействовать российской пропаганде.

В то время как российское государство активно вмешивается в Интернет-коммуникации, требует от провайдеров блокирования определённых сайтов, страниц, материалов, в Украине первые активные требования о блокировании провайдерами сепаратистских сайтов СБУ сделала только в августе 2014 г. В случае, если хостинг сайта находится в Украине или странах Запада, сайт с противозаконными призывами закрыть относительно легко. Но российские контролирующие органы (Роскомнадзор) и владельцы хостингов жалобы на такие нарушения игнорируют.

Отметим, что специфика Интернета способствует дроблению аудиторий, замыканию людей в узких тематических мирах по их интересам, что может приводить к самоустранению от получения общественно-значимой информации или к поляризации точек зрения. Такая специфика порождает новые механизмы влияния на общественное мнение, например, через распространение информации не от официальных источников или СМИ, а через сервисы Веб 2.0, где происходит общение и развлечение большинства пользователей. *Попытаемся типологизировать технологии влияния на общественное мнение, которые используют механизмы сервисов Веб 2.0 и основываются на силе авторитета мнения «рядовых» пользователей.*

Заказные комментарии и «посты» на Интернет-ресурсах. Политические силы и коммерческие структуры нанимают комментаторов, которые оставляют на разных ресурсах сообщения, продвигая нужную точку зрения в соцсетях, на форумах, в комментариях к материалам электронных изданий. Могут оплачиваться посты в блогах, создание и поддержание тем на форумах. Подобным комментаторам рассылают даже методические материалы, которые содержат перечень основных аргументов и контраргументов.

Человеку часто свойственна конформность, он стремится узнать позицию окружающих или подсознательно ориентируется на это. Поэтому актер в электронной социальной сети будет наблюдать за своим окружением: сколько и насколько авторитетных для него людей высказываются в поддержку идеи или действия. Особенно большое влияние имеет этот эффект в ситуации, когда человек не имеет надёжной информации по определённому поводу, или не имеет возможности или желания в чём-то детально разобраться. Именно на этом базируются разнообразные техники манипулирования общественным мнением. Согласно эффекта «спирали молчания», даже если пользователь не изменит собственного мнения, он, более вероятно, уже не выскажется в поддержку мнения, которое окажется в меньшинстве или не захочет

вступать в Интернет-обсуждение, чтобы избежать неприятных впечатлений.

Заказной троллинг предусматривает уничтожение нормального функционирования Интернет-форума или отдельной дискуссии через создание невозможной для общения атмосферы, дискредитации определённой идеи, отпугивания аудитории ресурса.

Страницы- «клоны» / «фейки», создание страниц «искусственных» личностей в социальных сетях. Спецслужбами многих стран используется технология распространения информации через аккаунты несуществующих людей. Поддельные страницы реально существующих людей и организаций, Интернет-СМИ (или подобные им) также применяются для технологии «управляемого хаоса», подбрасывания дезинформации, использования ресурса доверия реальных людей/организаций и, вероятно, их дискредитации.

Размещение «вирусных» материалов на YouTube и других ресурсах видео- и фотохостинга, в социальных сетях позволяет эффективно распространять определённый контент. Ярким примером здесь могут быть демотиваторы и мотиваторы на политическую тематику. В случае, если соответствующий материал является достаточно остроумным, он хорошо запоминается и вызывает желание поделиться ним через всемирно доступную «стену» или через личную переписку.

Технологиями, рассчитанными на смену и формирование общественного мнения, также являются *размещение материалов там, где их увидит максимальное количество целевой аудитории:* на «топовых», то есть, самых популярных ресурсах (сайтах, страницах соцсетей и т.д.); поднятие поста в блогах в «топ» самых популярных за счёт большого количества комментариев или размещения оплаченного материала «топовыми» блогерами; «выведение в тренды» (то есть самые популярные) хештегов в сервисе микроблогов Twitter.

Отдельно отметим влияние на общественное мнение в Интернете через цензуру (например, блокирование сайтов в определённых странах). Политика Интернет-ресурсов также осуществляется через режим модерации комментариев, блокирование определённых участников.

Инструментом влияния на общественное мнение выступают страницы чиновников, политиков, государственных структур, партий и общественных организаций в социальных сетях (а также их сайты вне социальных сетей), блоги политиков и чиновников (Петренко, 2014, с. 242-243).

Итак, особенностью новых технологий влияния на общественное мнение является то, что влияние на людей осуществляется не только через деятельность Интернет-СМИ, но и через влияние «индивидуальных» акторов, которые выходят на уровень общения с конкретным индивидом:

комментарии и информационные материалы от конкретных пользователей и блогеров, Интернет-дискуссии, взаимодействие в социальных сетях, сервисах Веб 2.0, использование того, что неформальное высказывание обычного человека подсознательно вызывает большее доверие, чем информация от «безликой» организации. Особенно важным является исследование модели распространения информации в социальных сетях. Последние вместе с сервисами микроблогинга, блогowymi площадками, сервисами Веб 2.0 для распространения видео и фото становятся источником развития гражданского общества и публичной сферы, но одновременно стали и полем информационной войны.

Как мы увидели, Интернет стал площадкой, готовившей общественное мнение к войне. РФ подготавливала общественное мнение через блоги, соответствующие паблики в социальных сетях, сайты и армию проплаченных комментаторов. Специфика украинского Интернет-пространства (например, то, что российская сеть «ВКонтакте» является одновременно самой распространенной сетью в Украине, отсутствие языкового барьера) позволила российским комментаторам активно влиять на публичную сферу Украины, «вбрасывать» и распространять соответствующие идеи и слухи. Сети «ВКонтакте», «Одноклассники», «Живой Журнал», будучи российскими, были не только не подконтрольны регулированию украинской стороной, но и стали сетью для сбора информации об украинских пользователях, сетью рекрутирования участников беспорядков и боевиков для незаконных военных формирований.

Социальные сети и Интернет-медиа развивали модель обмена информацией – «многие – многим», что позволяло оперативно обмениваться информацией без контроля государственных структур. Это давало не только информационные ресурсы, но и позволяло координировать усилия для решения самых разнообразных задач. Обратной стороной свободы в Интернете стало то, что модераторы пабликов в социальных сетях не несли ответственности за распространение откровенно неправдивой или противозаконной информации, учитывая, что многие из них находились не на территории Украины, а Интернет-СМИ длительное время не удаляли комментарии, разжигающие межнациональную рознь или призывающие к нарушению территориальной целостности страны. Отдельным феноменом социальных сетей стало то, что часть пользователей, не используя традиционные СМИ, ограничивала свою «информационную диету» только группами в соцсетях и той информацией, которая попадала к ним со страничек «друзей».

Таким образом, Интернет-пространство стало площадкой проведения психологических операций в ходе вооруженных конфликтов. Интернет-сервисы используются на этапе подготовки конфликта, на стадии

«гибридной войны» и в ходе классических военных конфликтов. Через Интернет происходит воздействие на общественное мнение, организация людей для действий оффлайн, сбор разведданных и т.д. Новые механизмы манипуляции общественным сознанием и пути подрыва информационной безопасности общества, использование Интернета для организации террористической деятельности и военной агрессии ставят вопрос о необходимости выработки мер противодействия для обеспечения международной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бобраков-Тимошкин, А. (2014) Нашествие восточных троллей на Запад <http://www.svoboda.org/content/article/25376809.html> (access date 08.05.2014)

Вахула, Б. Я. (2015) Соціальні медіа як механізм протесаної мобілізації в сучасному українському суспільстві. Український соціум, №1 (52), с. 34–41.

Куликов, И. (2011) Революция не побеждает онлайн. http://www.gazeta.ru/science/2011/12/27_a_3943554.shtml(access date 27.12.2011)

Петренко, О. С. (2014) Специфіка технологій впливу на суспільну думку в електронних соціальних мережах та соціальних медіа. Сучасні суспільні проблеми у вимірі соціології управління: збірник наукових праць ДонДУУ. Т. XV. Вип. 281, с. 241–249.

Чернобай, А.И. (2011) Роль социальных сетей в мобилизации протестных настроений на Ближнем Востоке и в Северной Африке в январе-марте 2011 года. Идеологические аспекты военной безопасности, №1, с.40–47.

TECHNOLOGIES OF INFORMATION WAR IN THE INTERNET ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN-RUSSIAN CONFLICT

Olga Petrenko – Assistant of the Philosophy and Sociology Department, Taras Shevchenko Lugansk National University (Ukraine).

Scientific interests: Sociology of the Internet, Sociology of Media.

E-mail: petrenkoo.s2050@gmail.com

Dorota Szaban*

Beata Trzop*

FOR WHOM IS THE EQUALITY POLICY AND NEW GENDER CONTRACT? YOUNG INHABITANTS OF LUBUSKIE REGION ABOUT THE ROLES OF WOMEN AND MEN IN THE MODERN WORLD

At the beginning of the twenty-first century in Polish sociology was initiated a discussion on a new contract gender by Margaret Fuszara. This introduced research and studies establishing guidelines for socio-cultural changes and the principle of the new gender order in Western societies. The aim of the paper is to present the views of young Lubuskie inhabitants in the division of roles between men and women in different spheres of social life. Authors shows results of Lubuskie Social Survey III describing questions of the roles of women and men. The main goal of this article is presentation of young Lubuskie inhabitants' opinions about the issue of gender equality, the division of responsibilities, working women, family responsibilities can be dichotomous indicator of attitudes towards gender on the line: traditional vs. modern. There are two important questions: how legal and institutional solutions in the field of gender equality policies are consistent with the expectations of young Lubuszan? Are young Lubuszan in a borderline situation: between the old and the new gender contract? The youngest generation enter adult life with a vision of a new gender contract: the principles of partnership in marriage and family, focus on career women and men, with acceptance of the presence of both sexes in social and political life.

Keywords: gender contract; gender equality, youth, Lubuskie Social Survey, division of social roles based on sex.

Established in the western culture "gender contract" assumed that men and women have different competences and duties. Gender contract is a set of explicit and implicit rules that define the relationships between the sexes. In this context women and men ascribe a different scope of work, duties and responsibilities and prestige associated with it. An important element of the gender contract is different socialization of girls and boys introducing them to

***Beata Trzop** -University of Zielona Gora- is an assistant professor in the Department of Methodology of Sociology at the Institute of Sociology.

Scientific interests: revolve around mass culture, lifestyle, leisure time issues and diffusion of culture on the border of the western Poland.

E-mail: B.Trzop@is.uz.zgora.pl

***Dorota Szaban** -University of Zielona- PhD in sociology, lecturer, is an employee of the Department of Methodology of Sociology at the Institute of Sociology and Head of the Lubuskie Centre for Social Research at the University of Zielona Gora.

Scientific interests: political sociology, social research methodology, sociology and sociology of borderland and social change.

E-mail: D.Szaban@is.uz.zgora.pl

the proper performance of social roles of the sexes. Gender contract in its original form did not survive to the present time. The most significant changes occurred in the nineteenth century, when women were forced to leave the private sphere and go to work. Access to the public sphere is formally equal for both sexes, but in practice the situation seems to be different. There are areas in which men are more desirable than women (e.g. politics, economy, education and health care). There are several reasons for the lower representation of women in public life. The first one is the stereotypical perception of gender roles, which create the perspective of seeing women with three values: Love, Marriage and Motherhood. It assumes that women should devote themselves to family and there is no place for professional work or competition with men on the labour market (involuntarily it gives rise to associations with the German 3K – Kinder, Küche, Kirche). Another reason is low self-esteem of majority of women and the lack of faith in their own abilities, as well as pressure from the men who dominate and intimidate women located on lower positions. Another factor are patterns of roles instilled from an early age – girls always help mothers, fathers and boys. The social expectations of women – professional work on the one hand, and on the other family affairs are also significant.

In modern societies issues related to the division of social roles of women and men are defined from the cultural perspective, which should not be determined only by belonging to a particular sex. Gender equality issues are present in many official documents, legislation and statutory regulations²⁴. In the structures of the European Union that question is dealt with by EIGE (European Institute for Gender Equality). The tasks of this institution is to diagnose how gender mainstreaming works - the policy of gender equality in the EU. In Poland this kind of task is governed by Plenipotentiary for Equal Treatment. The beginning of the implementation of gender mainstreaming in Poland is the quota law from 2011 (Dz. U. of 2011. No. 34, pos. 172). The act amended the electoral law to the Parliament, the European Parliament and municipal councils, districts and provincial assemblies. On electoral lists to the authorities, the proportion of female and male candidates cannot be lesser than 35%. The sanction for failure to comply with the requirement of equality is rejection of the list (non-registration). However, this is not accompanied by the so-called “slide rules” that would ensure female candidates high places on electoral lists.

The condition for effective implementation of those rules is the change of consciousness and traditional principles connected with the division of social roles of men and women (not only in the domestic sphere, but also professional

²⁴ Since the Polish accession to the European Union (EU) implementation of gender equality policy has become the duty of all who benefit from EU funds. Each project funded by the EU should promote the realization of the principle of equality between women and men.

and public one). In the sociological literature, this is referred to as the formation of a new gender contract. Traditional gender contract (the old one) excludes women from the public sphere. This contract lasted as long as these divisions were considered natural. It can be said that the perception of social roles of both sexes (and it changes) among young people are extremely important, because by means of it one can predict how cultural identity of both sexes will evolve in the future.

We asked our respondents two questions about defining the roles of women and men. Young Lubuskie inhabitants' opinions about the issue of gender equality, the division of responsibilities, working women, family responsibilities can be an dichotomous indicator of attitudes towards gender on the line: traditional vs. modern. The aim of the paper is to present the views of young Lubuskie inhabitants in the division of roles between men and women in different spheres of social life. Our goal is to find answers to the following questions: how legal and institutional solutions in the field of gender equality policies are consistent with the expectations of young Lubuszans? Are young Lubuszans in a borderline situation: between the old and the new gender contract?

AROUND EQUALITY POLICY: GENDER MAINSTREAMING AND NEW GENDER

Barbara Limanowska claims that gender mainstreaming is to implement the gender issues to socio-political and international strategies designed to achieve equality between women and men in all areas of social, political and economic life (Limanowska, 2014, p. 160). Not only is an important effect of gender mainstreaming to monitor inequalities, but also the analysis of how the political decisions can generate, sustain and deepen those inequalities. The results of this diagnosis should be specific solutions that mitigate these differences. As indicated by the gender analysts, the proposed solutions must take into account local conditions to avoid social conflicts and tensions with implementing international regulations and solutions. This can be a hard task in the countries which represent strong traditional cultural codes that favour the presence of women in the public space.

The beginnings of European gender equality policies are associated with the Treaty of Amsterdam from 1997. It proposes both anti-discrimination actions, as well as activities identified in the field of positive discrimination.

The implementation of gender mainstreaming in the EU countries is monitored with a gender index. Limanowska indicated: "Thanks to it we collect the same data about the differences between women and men in different countries. We examine (in terms of gender) many areas: work, money, knowledge, time, power and health. 100 points mean complete equality. Nobody

got it. The mean value puts Europe in the middle of the road to equality. Poland has collected a total of 44 points" (Tutak – Goll, 2013, p. 9). An important area of research conducted by EIGE is also monitoring the implementation of gender mainstreaming by state institutions in different countries – in Poland this is a task of the Government Plenipotentiary of Equal Treatment.²⁵

Nowadays the important issue considering the issue of gender is a new gender contract. The term indicates a new kind of process transformation associated with changes in cultural, political and economic life. The concept of gender contract indicated by Anna Titkow means "the rules and principles that organize the relations between men and women and operate on institutional, cultural and individual level" (Titkow, 2014, p. 250). The author claims that the contract is not static and the term belongs to the social concept of gender.

Changing conditions and the emergence of a new gender contact was described by Margaret Fuszara (2002). Her papers started a discussion and initiated further studies on this issue. The public sphere and the private sphere existed for hundreds of years together and there was no need to legitimate this kind of division. Public sphere was treated as an exclusive domain of men, while the private one focused mainly on women. When the husband worked and provided the family with financial resources required for its proper functioning, the wife was a housewife and the mother of the children. The division of roles was very clear: women were excluded from public life, and men should have not engaged in the issues related to the home life. A transformation of the old (traditional) social contract was gradual: "First there were women entering areas previously reserved for men - the acquisition of the rights to receive equal education, entering the labour market, the acquisition of public rights. These changes meant that the old contract, closing the women in the private sphere, started to lose its topicality. The need for a new contract occurred in the situation where the old division of male (public) sphere and female (domestic) sphere is no longer accepted and it is not possible to continue it." (Fuszara, 2012, p. 7-8).

After a decade Thomas Szlendak, including the current discussion and the contemporary social situation and the conflict in terms of shaping a new gender contract, claims: "We are today somewhere in between. In terms of gender cooperation we are struggling with the chaos of the times "in the middle". One gender order is behind us, the other in front of us, but it is not clear what it is and whether it is near or far from us. That is why it is so hard for us: just get along, just live together, just to have children or left behind twentieth-century world in which 95 per cent of the population has got a husband or wife. World is filled with the same pairs, in which men acquire outside resources and women

²⁵ Since April 2015 Małgorzata Fuszara is the Government Plenipotentiary of Equal Treatment in Poland.

are sitting in their homes taking care of children. We are moving towards a world where we cannot imagine (yet) how the matrimonial market will work in a new way. There is no doubt, we need a new gender contract, but we do not create it as long as we do not understand what emerges from a gender chaos" (Szlendak, 2012). The new order is then something we negotiate non-stop by ourselves with daily struggles and daily choices. It is hard to expect that some institutions will do this instead of us.

There must be several conditions fulfilled to construct a new gender contract. As Fuszara indicated, it is necessary to align the legal status of both sexes. It is also necessary to acquire the skills of men and women in different spheres of life - including those that have so far been traditionally attributed to one gender. So the process of acquiring the skills important in the public sphere by women and more active presence in the field of home and family by men is one of the most important conditions in this case. The realisations of this postulates is possible to implement when people adopt these new challenges and responsibilities.

The results of empirical studies are located in the sphere of issues relating to the conditions associated with the grant and will adopt these standards as elements necessary to the constitution and implement the principles of the new gender contract.

EMPIRICAL FINDINGS

The intention of the empirical analysis is to answer the questions about the division of social roles based on gender of young Lubuszans. On the basis of the results of Lubuski Social Survey (LSS)²⁶ we want to determine what kind of attitudes towards the social roles of men and women in public and private sphere characterise young inhabitants of the Lubuskie region. We also want to determine the extent to which opinions on gender equality are traditional - assigning women primarily as the guardians of family or modern - assuming the relative proportion of the division of household duties and professional work between men and women. It should be noted that the opinions about the roles of women and men in the society are related primarily to the issues of family, work and career as well as activity in the public sphere. We are also interested in describing the extent to which these attitudes vary by gender.

On the basis of the opinions we computed a gender contract index. This statistical tool measures the favour of young respondents to the rules governing the old (traditional) gender contract. This tool also helps to diagnose the process

²⁶ Lubuski Social Survey is a research project conducted periodically with a representative, quota-random sample of adult inhabitants of the Lubuskie region. The analyzed results are derived from the third edition of the survey, conducted in 2014, on a sample of N = 600 people. This study is based on the opinions of people aged 18-24 years.

of creating the new order - through specific indicators we can determine whether the opinions of the respondents are in transition (the principles of the old, traditional order are no longer applied and the new gender contract has not gained full acceptance yet). The situation between the old and the new contract seems to be specific in societies in which the equality policy has been just shaped and the socio-cultural roles of women and men have been just transformed. The empirical basis of gender contract index is a set of statements. The frequencies of the opinions of the respondents illustrating attitudes of youth towards social roles of men and women are presented in the table 1.

Table 1. Attitudes of youth towards social roles of men and women (%)

	Agree	Neither agree, nor disagree	Disagree
Women are more than men to perform household duties.	58,3	13,3	28,3
Working mothers can provide their children as much warmth and safety as the mothers who are not working professionally.	81,7	6,7	11,7
It should be more important for a wife to provide her husband an environment conducive to the professional success than to have her own professional success.	10	18,3	71,7
It is harm for a young child when its mother works professionally.	34,4	19,7	45,9
It is much better for the family when the man earns money and the woman takes care of home and children.	36,7	16,7	46,7
In leadership positions men are better than women.	30,5	13,6	55,9
Women are less qualified than men.	6,7	13,3	80
There is a lot of professions women should not work in.	51,7	18,3	30
Men are more entrepreneurial than women.	21,7	18,3	60
Men are more suited for politics than women.	26,7	18,3	55

Source: Own analysis based on the results of LSS III

Upon analyzing the results of the study, it turns out that the youth from the Lubuskie region is considered as having rather modern views about the division of social roles based on gender. The problem is not limited to the issue of equal rights for women and men. It shows that women and men, due to their unique life experiences, due to the biological and cultural role-models in society, can provide a different perspective to the public sphere contributing to better identification of important social issues. Young people's opinions are highly diverse and except a few particular statements we are not able to talk about a

clear advantage of modern over traditional attitudes towards the issue of gender. The strongest traditional perspective refers to the private sphere – to the statement: "Working mother can provide their children as much warmth, safety, what mother who is not working professionally". The strongest modern attitude towards gender issue refers to the public sphere, to the statement: "Women are less qualified than men ". The diversity of the opinions of youth lead us to compute gender contract index.

The level of acceptance to the presented statements allows us to draw a clear line between traditional and modern views of the respondents. The level of acceptance of the aforementioned statements was recoded into a new variable values representing one of three attitudes towards social roles of gender. Those new values are the basis of the index. A gender contract index thus defines three attitudes – acceptance of the old gender contract, of a new contract between the sexes and the situation in transition. For each general attitude – the variable indicates three levels: (1) high – when youth accepts at least 70% of statements representing particular option; (2) medium - acceptance from 40 to 70% of the statements and (3) low - for less than 40% of statements. The values of the index identify clearly the attitudes of youth towards social roles of sexes.

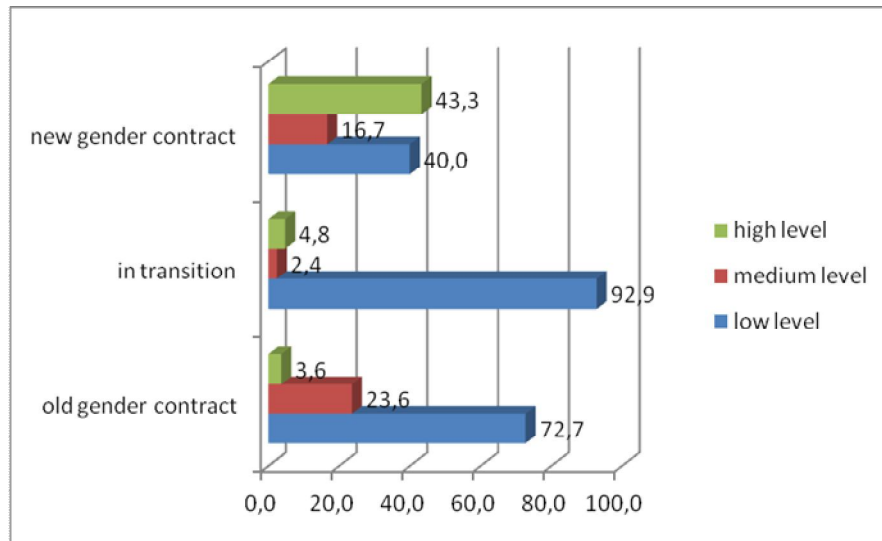
The chart 1 shows that young Lubuszans in more than 60% accept the high and medium level of rules defining new gender contract. Parallel to this attitude - nearly 69% of opinions represent disagreement with traditional rules (the old gender contract). We can regard the situation between the old and the new order (in transition) as significant - more than 90% of respondents define their opinions this way. We can interpret this as a lack of crisis and chaos in the current issues of social roles women and men in the perspective of youth in a modern society.

The analysis of youth attitudes towards gender contract in the Lubuskie region seems to be unfavourable for both women and men. The public sphere, especially areas associated with the access to power (political, economic) still belong to the "male" fields - there are relatively few women, which is an effect of dominating male patterns. Not only is the traditionally feminine sphere of family life the domain of one sex, but also it is not a source of prestige and recognition. The research shows that the partnership family model in which the spouses have divided duties, although widely regarded by Poles as desirable, is not actually implemented. We can say that a man usually "helps" his wife at home, but the primary responsibility for its operation remains with the woman. It reminds of taking care of widely recognized perception of gender roles to the new gender contract.

Sex differentiates young Lubuszans' views on this issue slightly, but in a rather distinctive way. Women tend to have more extreme opinions, while men moderate ones. At the same time we can talk about the fact that women are more likely to be embraced by the new gender contract than men. This is determined

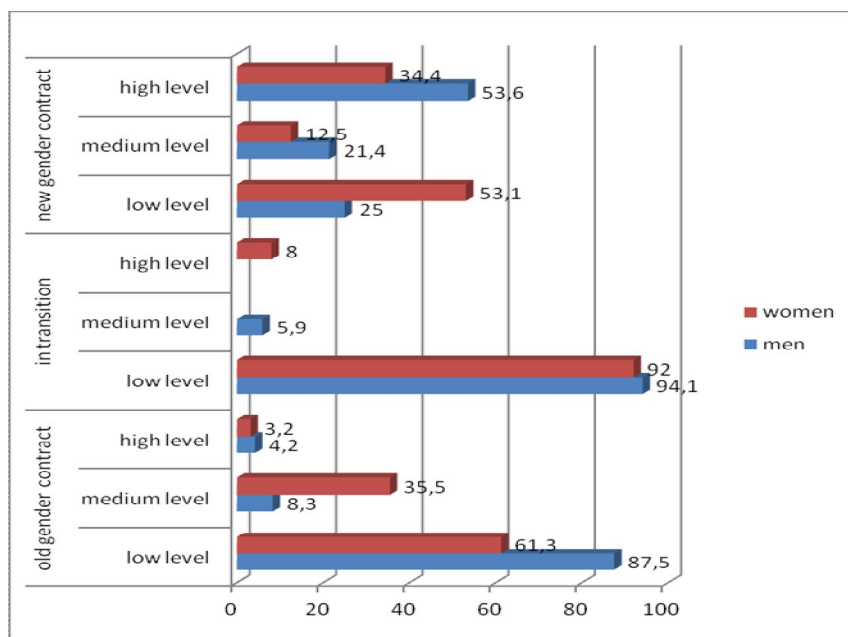
by, inter alia, their individual experiences, but also with all the cultural legacy of the feminist movement (even if it is treated stereotypically and fragmentarily). Men may also experience the increase in the presence of women in the public sphere as the competition to a limited number of positions. The chart below illustrates the diversity of attitudes of youth towards gender contract by sex of respondents.

Chart 1. Level of attitudes towards social roles of men and women (%)

Source: Own analysis based on the results of LSS III

Chart 2. Youth attitudes toward social roles of men and women by sex(%)

Source: Own analysis based on the results of LSS III

SUMMARY

By using the selected data from the third edition of the Lubusz Social Survey, we decided to take a closer look at the youngest group of Lubuszans' (aged 18-24 years) views on the roles of women and men in modern Polish society. At the beginning of the twenty-first century in Polish sociology was initiated a discussion on a new contract gender by Margaret Fuszara. This introduced research and studies establishing guidelines for socio-cultural changes and the principle of the new gender order in Western societies. After more than a decade of research, discussion and media debates about institutional, legal, and cultural background, it can be concluded that the youngest generation enters adult life with a vision of a new gender contract: the principles of partnership in marriage and family, focus on career among women and men, with acceptance of the presence of both sexes in social and political life.

One should bear in mind that sociologists are fully aware of the complexity of the research in this area and many determinants of these reviews. One of them is probably the age of respondents - the younger the group is, the stronger manifestation of the rules governing the acceptance of a new gender contract are observed. Thus, in conclusion, we can formulate further questions: Does the postmodern experience in the labour market and the change of life conditions (eg. Family life, children) verify these views and to what extent? Are the rules defining a new gender contract for the representatives of the youngest generation only the elements of an idealistic point of view?

BIBLIOGRAPHY

Limanowska, B. (2014). Gender mainstreaming. W: Encyklopedia gender. Płeć w kulturze. Warszawa: Wydawnictwo czarna Owca.

Tutak – Goll, M. (2013). Gender czyli jak odśnieżać miasto. Wysokie Obcasy 28 grudnia.

Titkow, A. (2014). Kontrakt płci. W: Encyklopedia gender. Płeć w kulturze, Warszawa: Wydawnictwo czarna Owca.

Fuszara, M. (red.). (2002). Kobiety w Polsce na przełomie wieków. Nowy kontrakt płci. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych.

Szlendak, T. (2012). Nowy kontrakt płci, <http://www.instytutobywatelski.pl/9769/lupa-instytutu/nowy-kontrakt-plci>(pobrano 13.09.2014).

Dla autorów:

Artykuły są przyjmowane w języku: ukraińskim, polskim, rosyjskim i angielskim.

Struktura tekstu

1. Część informacyjna

- Imię i nazwisko autora (autorów) (czcionka Times New Roman, bold, rozmiar 14),
- Tytuł artykułu (wersaliki, wyśrodkowane, bold, rozmiar 14),
- Abstrakt (100-200 słów, rozmiar czcionki 12),
- Słowa kluczowe (5-10 słów, rozmiar czcionki 12),
- Tekst artykułu,
- Bibliografia.

Imię i nazwisko autora, tytuł artykułu, abstrakt, słowa kluczowe powinny być w języku artykułu i języku angielskim, w przypadku, gdy artykuł jest w języku angielskim, autor zamieszcza tylko abstrakt angielski.

1. Tekst

- Tekst powinien liczyć 11 000 – 20 000 znaków ze spacjami;
- Artykuł powinien być napisany w edytorze Word dla Windows w formacie *.RTF -u *.DOC.;
- Marginesy po 2 cm z lewej i prawej strony oraz z góry i z dołu;
- Czcionka Times New Roman, rozmiar 14, pojedynczy odstęp;
- Tytuły tabel, rysunków – Times New Roman, rozmiar 12. Tytuły tabel i wykresów zamieszczamy nad obiektami graficznymi.
- Spis literatury przygotowujemy na końcu artykułu według porządku alfabetycznego – czcionka Times New Roman, rozmiar 12.

2. Zapis literatury na końcu artykułu (w porządku alfabetycznym)

- Sztompka, P. (2002). Socjologia. Krakow: Znak.
- Jankiewicz, A. (1990). O emocjach inaczej. W: P. Kowalski (red.), Emocje i motywacje (t. 3, s. 235 – 302). Warszawa: PWN.
- Nowak, K. (1998). Zazdrość w relacjach partnerskich. Czasopismo Psychologiczne, 41(2), 143 – 159.
- Tatkiwicz, R. (w druku). Wpływ izolacji na samoocenę. Czasopismo Psychologiczne, 20.
- Szafraniec, K. (red.). (2011). Młodzi 2001. Warszawa: Kancelaria Rady Ministrów.
- Opis elektronicznego źródła: Nazwisko, I. (rok). Tytuł artykułu. Tytuł czasopisma, tom(nr), strony. Pozyskano z: tu wpisać adres strony www (pobrano 20.12.2014).

4. Wzór przygotowywania cytatów:

- Jeden autor: (Sztompka, 2002, s. 11).
- Dwa autorów: (Januszek, Sikora, 2008).
- Więcej niż dwóch autorów: (Szacka, Sztompka, Turner, 2002).
- Powtarzane cytowanie dzieła gdzie jest kilku autorów: (Sztompka i in. 2002).
- Cytowanie w jednym nawiasie różnych autorów: (Berger, 2010; Sztompka, 2002)
- Cytowanie kilku publikacji jednego autora: (Giddens, 2007a, 2007b).
- Cytowanie publikacji za innym autorem: Turner (2002, za: Szacka, 2005).

5. Zasady recenzji

- Nadesłany artykuł jest sprawdzany pod względem formalnym: zgodności z wymogami edytorskimi i profilem czasopisma. W przypadku stwierdzenia zgodności z tymi wymogami, wysyłany jest do recenzji wewnętrznej. Dopiero po otrzymaniu pozytywnych recenzji wewnętrznych artykuł jest wysyłany do recenzji zewnętrznych. Recenzje są wystawiane przez dwóch niezależnych recenzentów.
- Wszystkie etapy recenzowania (zarówno wewnętrzne, jak i zewnętrzne) mają charakter anonimowy (double-blind review process), co oznacza, że recenzent nie wie czyj tekst ocenia, a autor, nawet po przyjęciu artykułu do druku, nie zna tożsamości recenzentów.
- Artykuł, który jest pozytywnie zaopiniowany, trafia do redakcji i tam ostatecznie podejmuje się decyzje o umieszczeniu go w czasopiśmie.
- W czasopiśmie publikuje się artykuły, które charakteryzują się wysokim poziomem merytorycznym, są oryginalne i mają odpowiednią bazę teoretyczną i metodologiczną. Preferowane są szczególnie teksty cechujące się nowatorstwem zarówno w sferze teoretycznej, jak też empirycznej.
- Redakcja powiadomi autora pocztą elektroniczną o wyniku postępowania recenzyjnego i ewentualnym terminie ukazania się artykułu.
- Czasopismo ukazuje się cztery razy w roku.
- Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania i skracania tekstów.

6. Prawa autorskie

1. Nadsyłając tekst do publikacji Autorzy oświadczają, że są posiadaczami praw autorskich oraz że ani całe opracowanie, ani istotne jego części (w tym tabele i rysunki) nie są publikowane ani przesłane do publikacji w innym miejscu.
2. Autorzy udzielają Wydawcy, reprezentowanemu przez Redakcję w osobie Redaktora Naczelnego, licencji na publikację artykułu.
3. Treści publikacji są otwarte i dostępne dla użytkowników. Użytkownicy mogą czytać, kopiować, rozpowszechniać, drukować artykuł z czasopisma bez dalszej zgody autora lub wydawcy.
4. Autorzy udzielają wszystkim osobom trzecim prawa do dowolnego korzystania z opracowania pod warunkiem podawania jego autorstwa i szczegółów bibliograficznych.
5. Autor udziela Wydawcy czasopisma zgody na włączenie artykułów w międzynarodowych bibliograficznych bazach danych.
6. Redakcja umieszcza imię i nazwisko, stopień naukowy, stanowisko, miejsce pracy, e-mail autora, streszczenie, słowa kluczowe, na stronie WWW wydania numeru.

Для авторів:

До друку приймаються статті українською, польською, російською та англійською мовами.

Структура тексту:

1. Інформаційна частина:

- Ім'я та прізвище автора (авторів) (шрифт Times New Roman, жирний, розмір 14).
- Назва статті (по центру, шрифт жирний, розмір 14, великі букви)
- Ключові слова (5-10 слів, розмір шрифту 12)
- Анотація статті (100-200 слів, розмір шрифту 12)
- Текст статті
- Бібліографія

2. Текст:

- Текст статті 11 000 – 20 000 символів.
- Текст статті оформляється в редакторі Word для Windows у форматі *.RTF чи *.DOC.
- Поля сторінки по 2 см .
- Шрифт Times New Roman, розмір 14, одинарний інтервал.
- Шрифт таблиць – Times New Roman, розмір 12.
- Список використаних джерел вказується в алфавітному порядку – шрифт Times New Roman, розмір 12.

3. Оформлення літератури в кінці статті (в алфавітному порядку):

- Sztompka, P. (2002). Socjologia. Krakow: Znak.
- Jankiewicz, A. (1990). O emocjach inaczej. W: P. Kowalski (red.), Emocje i motywacje (t. 3, s. 235 – 302). Warszawa: PWN.
- Nowak, K. (1998). Zazdrosc w relacjach partnerskich. Czasopismo Psychologiczne, 41(2), 143 – 159.
- Tatkiwicz, R. (w druku). Wplyw izolacji na samoocene. Czasopismo Psychologiczne, 20.
- Szafraniec, K. (red.). (2011). Młodzi 2001. Warszawa: Kancelaria Rady Ministrow.
- Оформлення електронного джерела: Nazwisko, I. (rok). Tytul artykulu. Tytul czasopisma, tom(nr), strony. Pozyskano z: tu wpisać adres strony www (pobrano 20.12.2014).

4. Оформлення цитат в тексті:

- Один автор: (Sztompka, 2002, s. 11).
- Два автори: (Januszek, Sikora, 2008).
- Більше ніж два автори: (Szacka, Sztompka, Turner, 2002).
- Повторне цитування джерела, в якому декілька авторів: (Sztompka i in. 2002).
- Цитування декількох джерел: (Berger, 2010; Sztompka, 2002).
- Декілька праць одного й того ж автора, виданих в одному році: (Giddens, 2007a, 2007b).
- Цитування за посередництвом іншого автора: Turner (2002, za: Szacka, 2005).

5. Рецензування

- Надіслана стаття звіряється на відповідність формальним вимогам редакції, відповідність профілю журналу. За відсутності зауважень, стаття надсилається до внутрішнього рецензування. При позитивній рецензії стаття скеровується на зовнішнє рецензування. Рецензування здійснюється двома незалежними рецензентами;
- Усі етапи рецензування (як зовнішнє, так і внутрішнє) є анонімними (double-blind review process) що означає, що ні рецензент не знає автора тексту, ні автору, навіть при прийнятті статті до друку, не повідомляють про особу рецензента.
- Редакція, отримавши позитивні відгуки на статтю, робить остаточний висновок про її публікацію у журналі.
- У журналі публікуються статті, що характеризуються належним рівнем новизни, мають теоретичну та практичну значимість, відображають результати наукового дослідження автора.
- Редакція повідомляє автору електронною поштою результати експертної оцінки та черговість друку.
- Журнал виходить чотири рази на рік.
- Редакція залишає за собою право редагувати та скорочувати статті.

6. Авторські права:

1. Надсилаючи текст до публікації, Автор підтверджує, що є власником авторських прав, і гарантує, що даний текст чи його частина (в тому числі таблиці і рисунки) не були опубліковані в інших виданнях чи надіслані до публікації до інших видань.
2. Автори надають Видавцеві (Редакції в особі Головного редактора) право на публікацію статті.
3. Зміст журналу є відкритим та доступним для користувачів. Користувачі можуть читати, завантажувати, копіювати, поширювати, друкувати текст статті у журналі без додаткового дозволу видавництва чи автора.
4. Автори надають третім особам право на вільне користування інформацією за умови дотримання правил цитування.
5. Автор надає Видавцеві (Редакції) журналу згоду на включення статті до міжнародних бібліографічних баз даних.
6. Редакція розміщує прізвище, ім'я, науковий ступінь, посаду, місце праці, електронну адресу автора, анотацію, ключові слова статті на сайті видання.